
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
СЕВЕРНЫЙ ЛИСТ
Тайны «Речных Ключей». Книга третья
Не всякая дорога существует за пределами бумаги

Роман Штерн
Северный лист

https://litres.ru/74734133
SelfPub; 2026

Аннотация

В «Речных Ключах» готовятся к встрече бывших коллег: Геннадий Меркушев обещал привезти пропавший северный лист — старый чертёж, важный для будущего сада. Но до начала встречи его находят убитым, а вместо подлинника у соседей оказываются копии с несовместимыми выводами. Пока следователь Белова проверяет обстоятельства смерти, Аркадий Лунёв выясняет, кто и какую бумагу действительно видел. Следы ведут к несправедливому увольнению сорокалетней давности — и к молчанию его друга Семёна.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Стол для завтрака	5
Глава 2. Пять приглашений	23
Глава 3. До общей встречи	48
Глава 4. Кто видел последний лист	68
Глава 5. Подпись без поля	89
Глава 6. Человек уехал	110
Глава 7. Три цены	133
Глава 8. Дорожка за смородиной	155
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Роман Штерн
Северный лист

От автора

Спасибо, что выбрали эту книгу. Рад возможности познакомить Вас со своей работой и от души желаю приятного чтения.

Глава 1. Стол для завтрака

Хлебница поместилась на столе, если поставить её поперёк.

Аркадий открыл крышку. Та упёрлась в синюю папку с ответами по прежним платежам. Он отодвинул папку к окну, поставил тарелку, нашёл место для чашки и только после этого вспомнил про чайник.

Большой эмалированный чайник стоял на плите. Чтобы перенести его на стол, следовало убрать либо хлеб, либо документы.

Аркадий снял с папки очки.

— Завтрак без приложений, — сказал он вслух.

Взял всю стопку и переложил на соседний стул.

Так он делал последние две недели. После еды возвращал бумаги обратно, потому что на стул требовалось сесть, потом снова раскладывал их, чтобы найти один ответ, и оставлял до следующего утра. Вчера ужинал с тарелкой на углу стола. Сегодня край скатерти лежал под описью, и выдернуть его, не рассыпав листы, уже не получалось.

Он позавтракал, глядя на занятый стул.

В открытое окно тянуло теплом. У соседей включили полив; вода с короткими перерывами ударяла в пустое ведро, пока кто-то не переставил шланг. Мята на подоконнике разрослась и теперь цепляла занавеску. Аркадий перенёс её с

солнечной стороны ещё в июне, после того как дважды увидел поникшие листья. Вера оказалась права, но сообщать ей об этом отдельным письмом он не стал.

До прихода Семёна оставалось двадцать минут.

Аркадий вымыл тарелку, вытер стол и принёс из пристройки складную подставку. Она была узкая: три папки легли ровно, четвёртая свесилась. Подставка стояла рядом с кроватью, и ночью её пришлось бы обходить боком.

Он вернул четвёртую папку на стул, посмотрел на неё и убрал обратно к остальным.

Нужен был другой стол.

В пристройке имелся старый письменный, заставленный пустыми банками, коробкой с проводами и настольной лампой без абажура. Аркадий давно собирался разобрать его, но всякий раз находилось занятие полезнее. Теперь полезным оказался собственный завтрак.

Он снял банки, перенёс коробку на нижнюю полку, протёр столешницу влажной тряпкой. На светлом прямоугольнике, прежде закрытом коробкой, проступил след от когда-то пролитой воды. Аркадий провёл по нему ладонью. Дерево было гладкое.

Рабочие копии можно было держать здесь. Общие оригиналы оставались в правлении, чужие семейные бумаги он домой больше не брал. Но и копии умели занять всё пространство, если не назначить им место.

Из кухонной розетки он вынул зарядку и отнёс в при-

стройку. Этой розеткой теперь можно было пользоваться: Антон проверил её в мае, после согласованного утреннего звонка, заменил повреждённую часть и велел не вставлять обратно старый тройник. Тройник Аркадий выбросил. Замок Денис сменил неделей позже; снятые детали, как договаривались, сохранили отдельно.

Дом понемногу переставал состоять из вещей, к которым нельзя прикасаться до уточнения.

У калитки звякнул звонок.

Семён стоял с рулеткой и завёрнутым в газету угольником.

— Не рано?

— Как договаривались.

— Я подумал, пока не припекло, лучше разметить. Потом у стены стоять неохота.

В кухне он остановился перед пустым столом.

— Куда всё дел?

— У бумаг теперь отдельное место.

— Насовсем?

— Проверим.

Семён положил свёрток на табуретку, не на стол.

Они ещё в воскресенье договорились посмотреть, на какой высоте повесить полку для посуды. Сама доска лежала под навесом, сухая, с обработанными краями. Аркадий хотел переставить туда чашки и небольшие тарелки, чтобы не лезть за каждой в глубокий шкаф.

Семён развернул газету.

— Карандаш твой можно?

— На подоконнике.

— И часы со стены снимем. Мешают.

Аркадий снял часы сам и положил на полотенце. После апреля Семён стал спрашивать о таких мелочах. Иногда вопрос выходил у него нарочито строгим, словно он давал команду самому себе, но сегодня прозвучал просто, между делом.

— Я бы вот здесь поставил, — сказал он, прикладывая угольник. — Тогда под низ ещё что-нибудь войдёт.

— Мне под низ ничего не нужно.

— Сейчас не нужно.

— Семён Ильич, мне нужна чашка. Не запас площади над чайником.

Семён опустил угольник.

— Если ниже, у тебя всё в один ряд будет.

— Да.

— А остальные куда?

— В шкаф.

— Для чего тогда полка?

Аркадий взял из шкафа полосатую чашку, поставил на ладонь и протянул к стене.

— Чтобы эту доставать, не вынимая три других.

Семён посмотрел на чашку, потом на шкаф.

— У тебя там кружки друг в друге стоят.

— Поэтому и полка.

— Ладно. Держи.

Они приложили доску. Аркадий поднял руку, примерился, опустил на несколько сантиметров.

В глубине шкафа оставалась белая чашка с синими листьями. Елена всегда ставила её спереди, а он задвигал назад: ручка мешала закрывать дверцу. Однажды она переставила весь ряд и спросила, почему он всякий раз строит состав так, что нужный вагон оказывается в середине. Теперь чашка стояла на прежнем месте, но за ней давно никто не тянулся.

Аркадий вынул её и поставил рядом с полосатой.

— Две? — спросил Семён.

— Пока две.

— Тогда и полку можно короче.

— Доску резать не будем. Там ещё тарелки будут.

Семён ничего не сказал о Елене. Придержал доску плечом, пока Аркадий ставил карандашную отметку.

— Вот теперь удобно, — сказал Аркадий.

— Тебе.

— У меня кухня.

— Это довод, — согласился Семён.

Они сняли доску. Под обоями в одном месте обнаружилась старая заделка: стена чуть подавалась, если нажать пальцем. Семён постучал костяшкой правее.

— Тут крепить не станем. Надо посмотреть, где стойка.

Одной разметкой сегодня не кончится.

— Сегодня и обещана разметка.

— Я знаю. Только ты уже тарелки вынес.

Аркадий убрал тарелки обратно.

В калитку снова позвонили.

Лидия Матвеевна пришла с тонкой папкой под мышкой и бутылкой воды в руке. Орлова председательствовала с февраля, но по-прежнему носила документы в той же потёртой папке, с которой ходила на первые зимние заседания. У застёжки разошёлся угол, и теперь его держала широкая канцелярская резинка.

— У вас можно на пять минут?

— Можно. Только стол теперь кухонный.

— Тогда на пять и с гарантией освобождения.

Семён забрал угольник с табуретки. Орлова села и положила перед Аркадием лист.

— Вчера пришёл ответ. На майский повторный запрос.

В верхней части стояли исходящий номер, дата и название организации, сменившей прежнее хозяйственное подразделение узла. Аркадий прочёл первый абзац, потом второй.

— Они передали технические дела в девяносто восьмом?

— Так написано.

— Ссылаются на передаточную опись.

— Индекс ниже. Я выделять не стала, чтобы копию не портить.

Аркадий нашёл короткое обозначение из букв, цифр и

дроби. Рядом значился номер акта передачи. Ни слова «сад», ни знакомого названия северного листа в ответе не было. Дела проходили под общим наименованием технической документации ликвидированного подразделения.

— Значит, не у них, — сказал Семён.

— Эти дела передавали не у них хранить, — поправил Аркадий. — А входит ли туда наш комплект, пока неизвестно.

Он перевернул страницу. Оборот был пустой.

— Нынешнего номера хранения нет?

— Нет. Предлагают обратиться по месту передачи с указанием индекса. Письмо зарегистрировано, электронный файл сохранён. Это вам рабочая копия.

Аркадий придвинул лист к краю стола. Орлова сразу придержала его бутылкой: сквозняк поднял угол.

— Уже лучше, чем «сведениями не располагаем», — сказала она.

— Лучше. Теперь можно спросить про конкретную передачу, а не про северный лист вообще.

— А до этого про что спрашивали? — Семён нахмурился.

— Про материалы товарищества, посадок, водоотвода. По тем названиям, которые у нас были.

— Они могли их как угодно обозвать.

— Вот название и надо выяснить.

Аркадий записал индекс на отдельном листке, затем сверил каждый знак. В мае они ждали шесть ответов. Какие-то пришли быстро и ничего не дали, два потребовали новых пи-

сем, один был переслан по принадлежности и вернулся теперь, в июле, с этой сухой ссылкой. Из неё нельзя было достать чертёж. Зато стало понятно, за какую дверь обращаться дальше.

Орлова оглядела кухню.

— А где вы теперь работаете?

— В пристройке.

— Там сухо?

— Да.

— Я не к тому, чтобы ещё принести.

— Хорошо.

Она усмехнулась.

— У меня с утра трое предлагают забрать бумаги из правления по домам. У каждого дома сухо, пока не спросишь про сентябрь.

Семён развернул газету вокруг угольника.

— В железный шкаф поставить.

— Шкаф не сушит помещение, — сказала Орлова. — И коробки нужны не из-под помидоров. И сканировать всё подряд мы пока не можем. Мне прислали расчёт: если делать весь объём, придётся выбирать между копиями и ремонтом водопроводного колодца.

— Значит, не весь, — сказал Аркадий. — Сначала опись. Что есть, что повторяется, что требует отдельного хранения.

— Для описи тоже люди нужны.

— На встрече попробуем распределить.

О небольшой встрече в саду заговорили ещё в конце июня. Собирались позвать бывших работников, разложить несколько фотографий, сверить фамилии и спросить, у кого сохранились сведения о старых технических делах. Не собрание товарищества, не юбилей. Семён сперва предложил назвать это встречей ветеранов, но Вера спросила, придётся ли тогда ставить стол для выступлений. Название оставили на потом.

Орлова достала телефон.

— Двенадцатое всем подходит. В шесть вечера. Раньше в саду жарко.

— Сколько человек?

— Пока семь или восемь. С нами — около десяти. Кто-то ещё подтвердит.

— Тогда два стола. Один для фотографий, другой для записей. Оригиналы никто не складывает в общую кучу. Кто принёс — тот и забирает, если отдельно не договоримся.

— Столы ты организуешь? — спросил Семён.

— Перенос и место — да. Хранителем всего, что найдётся, не буду.

— Я и не предлагал.

— Это я заранее.

Орлова пометила что-то в телефоне.

— От вас, Аркадий Сергеевич, нужен порядок разговора. Короткий. Без тридцати вопросов каждому.

— Подписи к снимкам. Источники. Следующий запрос.

— Вот так и напишите.

Он уже видел, как встреча могла растянуться: один начнёт вспоминать начальника, другой — спорить о годе, третий принесёт пакет без подписей и скажет, что всё важное. Аркадий взял чистый лист и разделил его на три части.

Семён заглянул через плечо.

— Ты только не распиши нам, кто когда вспоминает.

— Не распишу.

— А то я в свои пятнадцать минут фамилию не вспомню, и что тогда?

— Оставим пустое место.

— Вот это правильно.

Когда пришла Вера, на столе снова лежали бумаги.

Она остановилась у двери, посмотрела на чашки рядом с хлебницей и сняла с плеча сумку.

— Я опоздала к открытию кухни?

— Открытие ещё не состоялось, — сказал Аркадий. — Идут работы.

— Но место для еды уже появилось.

— До вашего прихода было больше.

Вера подняла три небольших листка.

— Это всё. Подписи, которые удалось согласовать. И одну не согласовали.

Она положила листки рядом, а сумку оставила у своих ног.

На первой копии фотографии стояли фамилии шести че-

ловек. Под второй было написано: «У мастерских. Год требует уточнения». Третья пришла от Ольги: снимок Нины с двумя сотрудницами, выбранный ею самой для копирования. Остальной архив она не предлагала, и никто больше не просил принести всё.

Семён взял фотографию у мастерских.

— Это после сдачи.

— Римма Георгиевна сказала, что не уверена, — ответила Вера.

— Там табличка уже висит.

— Она могла висеть и до сдачи.

Семён поднёс снимок к свету.

— А здесь кто написал «лето»?

— Я. Там трава и открытые окна.

— Окна у нас и зимой открывали, когда красили.

— Тогда оставим только «у мастерских».

Он ещё немного посмотрел на фотографию.

— Нет, лето. Рукава закатаны. Только день сдачи уберите.

Вера перечеркнула два слова.

Аркадию нравилось, что теперь Семён мог отступить без длинного объяснения, почему всё-таки был почти прав. Но он ещё не всегда позволял то же самое другим.

— Римма придёт? — спросил он.

— Обещала, — сказала Орлова. — Ей я отправляла обращение про технические дела. Она ещё с кем-то связалась.

Аркадий предложил воды. Вера согласилась. Он достал

стакан, увидел две чашки на столе и переставил их к стене, под будущую полку.

— Вы после обсуждения не торопитесь? — спросил он у Веры.

— После какого?

— Сейчас. Я собирался…

Телефон Орловой завибрировал, сдвигаясь по гладкой папке.

— Простите. Это по нашей встрече.

Она прочитала сообщение, затем ещё раз, медленнее.

— Кажется, есть новость.

Вера повернулась к ней. Аркадий поставил стакан перед Верой и сел, не закончив приглашения.

— Геннадий Николаевич Меркушев, — сказала Орлова. — Пишет, что получил наше обращение. Работал на узле. Семён Ильич, вы знаете?

Семён перестал сворачивать газету. Угольник остался наполовину открытым.

— Знаю.

— Он утверждает, что северный лист у него.

В кухне стало слышно, как на соседнем участке закрыли кран. Последняя вода ещё несколько секунд била по ведру, потом затихла.

Орлова повернула телефон к Аркадию.

Сообщение было длиннее, чем её пересказ. Меркушев благодарил за интерес к истории, замечал, что давно следит

за поисками, и писал:

«Недостающим северным листом располагаю. Готов привезти его 12 июля к вашей встрече в 18:00 и передать для общего дела. Есть также материалы, позволяющие понять значение листа. Хотелось бы увидеть старых товарищей».

Аркадий прочёл до конца.

— Изображение приложено?

— Нет.

— Напишите, пожалуйста: какой комплект, какие реквизиты и в каком виде у него документ.

Орлова начала печатать.

— Подлинник или копия? — уточнила она.

— Да. И откуда получен.

Семён сложил газету. На этот раз аккуратно, угол к углу.

— Двенадцатого он приедет? — спросил он.

— Так пишет.

— Где остановится?

— Пока не обсуждали. Может, на день.

— Он на день не ездит, — сказал Семён и замолчал.

Аркадий посмотрел на него. До сих пор тот спорил о сантиметрах, табличке на мастерской и времени, которое займут воспоминания. Теперь сидел, положив обе ладони на свёрток, и не прикасался ни к фотографии, ни к рулетке.

Орлова отправила вопрос.

— Если действительно лист, встреча получится полезнее, чем мы рассчитывали.

— Сначала увидим, — сказала Вера.

— Я понимаю. Но хоть кто-то говорит, что он есть.

Аркадий снова прочёл сообщение на её телефоне. «Располагаю» не отвечало на вопрос, что именно лежит у человека в папке. Сохранённая фотография, лист бумаги, поздняя копия с чужой копии — всё это можно было назвать одинаково.

— Письмо с индексом всё равно оставляем в работе, — сказал он. — Ответ Меркушева его не заменяет.

— Оставляем.

Телефон подал короткий сигнал.

«Всё покажу на месте. По отдельным снимкам и номерам легко ошибиться. Лучше поговорим при встрече».

Орлова прочла ответ вслух.

— Может, не хочет пересылать, — предположила Вера.

— Может, — сказал Аркадий. — Но номер можно сообщить и без снимка.

Семён поднялся, взял свою фуражку с подоконника.

— Встречать его у ворот я не пойду.

Орлова посмотрела на него поверх телефона.

— Мы ещё не распределяли.

— Вот и не записывайте меня.

— Хорошо. Найдём другого.

Это должно было закончить разговор, но Аркадий спросил:

— Вы давно знакомы?

— Давно.

— Вместе работали?

— Да.

Семён надел фуражку, потом снял: в кухне было жарко.

— Много лет не разговариваем. Встречать не буду. Стол перенести помогу, как обещал.

— На саму встречу придёте?

— Приду.

Вера собрала подписанные листки, выровняла края и протянула Орловой.

— Здесь два экземпляра. Один для работы, один останется у меня до уточнения фамилии.

Орлова приняла бумаги. Вопрос о Семёне остался без продолжения. Аркадий чувствовал, что мог бы задать ещё три, и все они прозвучали бы как требование объяснить отказ перед столом, за которым собрались соседи.

Он убрал ручку.

— Тогда организационную часть подтвердим. Приедет — посмотрим. И ещё раз попросим сведения о происхождении.

— Я ему ваш номер дам? — спросила Орлова.

— Дайте.

Она встала. Вера подняла сумку вслед за ней.

— Вы уходите? — спросил Аркадий.

— Мне к половине двенадцатого надо быть дома. Договорились с подругой созвониться.

Он посмотрел на часы, лежавшие на полотенце. До поло-

вины оставалось десять минут.

— Я хотел предложить чай.

— В другой раз, Аркадий Сергеевич.

— Да. В другой.

Вера улыбнулась, но задерживаться не стала. У калитки они с Орловой заговорили о коробках для фотографий. Аркадий проводил их до дорожки. Солнечная полоса уже легла на порог; утром там была тень.

Вернувшись, он увидел, что Семён держит доску у стены.

— Здесь отметку оставим? — спросил тот.

— Здесь.

— Тогда справа надо будет опору сдвинуть. Я тебе нарисую, а крепёж сам выберешь. Только в старую заделку не попади.

Они ещё раз проверили высоту. Семён попросил чашку, поставил её на доску и придержал за ручку, пока Аркадий примерял расстояние.

— Достаёшь?

— Достаю.

— Значит, хватит мерить.

Он опустил доску и написал на обороте два размера. Потом завернул угольник, забрал рулетку. На кухонном столе остались рабочий лист встречи, письмо с индексом и три карандашные крошки.

Аркадий смёл крошки в ладонь. Бумаги отнёс в пристройку.

Третьего мая он сказал покупателю, что остаётся до осени и ждать его не просит. За два месяца это решение обросло простыми последствиями: понадобились исправный замок, удобная розетка, место для тарелок. Теперь ещё — отдельный стол для работы. Он не собирался снова обсуждать продажу только потому, что в доме нашлось больше дел, чем ожидалось.

На чистом листе Аркадий написал дату и время: «12 июля, 18:00». Ниже — «Обещанный документ: Геннадий Николаевич Меркушев». Слова «северный лист найден», уже готовые лечь следующей строкой, он писать не стал.

В ответном сообщении подтвердил место встречи и попросил заранее сообщить, подлинник или копию привезёт Меркушев, а также указать источник. Прочёл и отправил.

Семён ждал у двери.

— Всё?

— На сегодня с полкой всё.

Аркадий вернулся на кухню. Доска стояла у стены, часы ещё предстояло повесить. На столе можно было разложить скатерть, не поднимая ни одного листа.

— Семён Ильич, — сказал он, — почему вы не хотите даже проводить его от ворот?

Тот посмотрел на две отметки под будущие крепления.

— Дорогу он найдёт.

Аркадий не стал спрашивать снова. Проводил Семёна, вернулся и поставил хлебницу вдоль края стола. Теперь

крышка открылась до конца.

Глава 2. Пять приглашений

Стол не проходил между бочкой и смородиной.

Аркадий повернул его узким краем вперёд, но тогда ножка упёрлась в низкую ветку. Виктор Ростиславович Данилин, державший другой конец, остановился.

— Бочку отодвинем.

— Она полная.

— Потому и отодвинем, а не понесём.

Аркадий посмотрел на тёмный круг воды под крышкой.

— Давайте лучше ветку придержу.

Данилин поставил стол на землю.

— Я же говорил: вдвоём вынесем. Не говорил, что прямо.

На столе раньше перебирали смородину. Вдоль одной доски осталась фиолетовая полоса, в щели застрял высохший лист. Для фотографий его предстояло вымыть и накрыть, но ножки держались крепко, а размер позволял разложить несколько снимков, не ставя сверху чашку или локоть. Аркадий именно такой и искал.

Они обошли куст с другой стороны и поставили стол под навесом у калитки. Дальше Аркадий собирался нести его с Семёном; Данилин обещал только вынести со двора.

— Здесь до половины пятого постоит? — спросил Аркадий.

— Постоит. Только к забору придвиньте. Мне ещё песок

привезут, буду с тачкой ходить.

Виктор Ростиславович носил расстёгнутую рубашку поверх майки и поворачивался всем корпусом, словно проверял, не остался ли за спиной кто-нибудь из бригады. На участке он ничего не делал одним движением: прежде чем поднять, смотрел, куда поставит; прежде чем открыть калитку, убирал с дороги ведро. При этом у него повсюду что-нибудь лежало — короткие рейки, сетка, бухта старого шланга. Беспорядок был деятельный и, по уверениям хозяина, временный уже много лет.

— Домик посмотрите, — сказал он. — А то будут вас спрашивать, где поселился, вы людей сюда приведёте и сами начнёте искать.

На сто восемнадцатом участке гостевой домик стоял отдельно от основного дома, ближе к северной стороне. Невысокое крыльцо выходило на дорожку из бетонных плит. За сиренью виднелась северо-западная улица; от калитки до двери можно было пройти, не приближаясь к хозяйской веранде.

Данилин открыл дверь, придержал её ладонью.

Внутри пахло сухой доской и нагретой занавеской. У стены стояла узкая кровать с клетчатым покрывалом, возле окна — стол, рядом два разных стула. На гвозде висел ключ с фанерной биркой. Хозяин снял его.

— Ему отдам. Если завтра рано соберётся, пусть на столе оставит. Вода в кувшине, умывальник за углом. Чайник я

проверил.

Аркадий заглянул, не переступая порога.

— Он надолго?

— До завтра просился. А там, говорит, по обстоятельствам. Я ответил: обстоятельства у каждого свои. В воскресенье внуки приедут.

Данилин разгладил покрывало у изножья и поставил к стене сумку с бельём.

— Вы давно его не видели?

— В прошлом году видел. У общих знакомых. Он всё такой же: спросишь, сколько сахара, расскажет, как сахар в контору доставали.

— Северный лист вам показывал?

— Мне ночлег нужен был согласовать, а не лист.

Он прикрыл дверь и проверил, не задевает ли нижний край порог.

— Геннадий сказал, у него тут разговоры будут. Я не возражаю. Только принимать за него людей не стану. Кто нужен — пусть сам звонит.

— Встреча в саду в шесть.

— Это я помню. К шести приду. Стулья у меня можете взять, четыре. Пятый не берите, у него спинка держится на добром слове.

Под навесом Аркадий выбрал четыре стула и сложил их попарно.

— Здесь не оставляйте, — сказал Данилин. — Видите,

дорожка? Мне в дом ходить. Вот туда, к торцу.

Стулья переставили. Дверь домика осталась закрытой, ключ Данилин убрал в карман.

До приезда Меркушева было ещё время. Аркадий решил пройти будущий путь со столом, чтобы потом не выяснять под тяжестью, где придётся разворачиваться. От участка к саду вела общая дорожка между ограждениями. На одном повороте разрослась крапива, на другом чей-то шланг пересекал проход. Аркадий ногой сдвинул его в неглубокую борозду и прикинул ширину.

— Тут пешком минут пять-шесть, — сказал Данилин, дошедший с ним до развилки. — А на машине потом полтоварищества объезжать. Не уговаривайте меня стол к саду везти.

— Не собирался.

— Все сперва не собираются. Потом говорят: раз уж машина стоит.

Отсюда направо уходила дорожка к дому Веры, левее оставался сад. До сорок пятого участка, по привычному Аркадию ходу, было минут восемь. К главным воротам Данилин обычно выходил через северо-западную улицу, не сворачивая к саду.

— От ворот минут десять, если не останавливаться, — сказал он. — Двенадцать, если с сумкой. Но Геннадий на такси, я ему написал, куда повернуть.

— У пожарного проезда калитка открыта?

— Днём открыта. Только машину туда не направляйте: за поворотом разгружают.

— Я для тех, кто пешком придёт.

— Тогда объясняйте сразу. А то опять будут у сторожа спрашивать, куда человек пошёл. У него камера на ворота смотрит, не на наши дорожки. Ту калитку с неё тоже не видно.

Аркадий запомнил шланг и тесный поворот. Для стола хватало места, если нести его ребром. До минуты проверять путь он не стал: задача была донести мебель.

***

В 14:20 у калитки сто восемнадцатого участка остановилось такси.

Аркадий как раз вернулся с чистыми простынями для столов. Водитель открыл багажник, но пассажир уже выбирался, прижимая к боку плоскую чёрную папку. Дорожная сумка осталась в машине.

— Виктор Ростиславович! — произнёс приезжий так, будто Данилин вышел не из собственной калитки, а к нему на совещание. — Узнал бы со спины.

— Со спины все лучше сохранились, — ответил хозяин и взял сумку.

— Вот за это тебя и ценили. Всегда умеешь снять напряжение.

Данилин ничего не сказал. Занёс сумку за калитку и поставил на дорожку.

Геннадий Николаевич Меркушев оказался сухим, прямым человеком с гладко зачёсанными белыми волосами. Короткие рукава рубашки были аккуратно подвёрнуты на один оборот. Под мышкой он держал папку, свободной рукой проверял карманы, отыскивая телефон, хотя тот лежал в нагрудном.

Аркадий представился.

— Лунёв? Диспетчерский аппарат?

— Было.

— Я вашу фамилию помню. Вы когда пришли, у нас ещё Фёдор Иванович…

— Возможно. Я вам писал о реквизитах листа.

Меркушев улыбнулся и крепко пожал ему руку.

— Да, да. Вы человек обстоятельный, мне Лидия Матвеевна говорила. Это хорошо. Теперь без обстоятельного человека бумагу из одного шкафа в другой не перенесёшь.

— Вы привезли подлинник или копию?

— Я привёз материалы. Не с пустыми руками же ехать.

Такси тронулось. Меркушев повернулся вслед машине, будто собирался ещё что-то сказать водителю, потом посмотрел на участок.

— Смородина у тебя хорошая, Виктор. Старая?

— Кусты менял.

— А место помню.

Данилин поднял сумку.

— Идёмте. Вот домик. Здесь ничего не ставьте, к двери

нужен проход.

Внутри Меркушев положил папку на стол, снял лёгкую куртку, которую нёс через руку, и повесил на спинку стула. Увидев кувшин, налил воды и выпил, не присаживаясь.

— Дорога утомляет, — сказал он. — Вроде недалеко, а собираешься дольше, чем едешь.

Аркадий остался у открытой двери.

— Если вы покажете лист сейчас, я пойму, какой стол для него нужен. Сложенный чертёж лучше не разворачивать поверх фотографий.

— Размер обычный. Обойдёмся.

— И нужно записать, откуда он получен.

Меркушев поставил стакан.

— Аркадий Сергеевич, я до общей встречи должен несколько личных дел уладить. Люди ждали. Не только вы искали.

В этой фразе не было прямого отказа, но папку он повернул застёжкой к себе.

Данилин положил ключ рядом с кувшином.

— Вот. Удобства показал. Я у себя, если что-то по дому. По бумагам без меня.

— Ты ведь тоже посмотришь?

— В шесть, если успею с доставкой.

— Тебе отдельно будет интересно. В свете твоих планов.

Данилин взял пустой чехол от подушки и скомкал.

— Геннадий, я тебя поселил. Остальное потом.

Аркадий первым вышел на дорожку. Хозяин остался у двери. Меркушев что-то спросил у него вполголоса; Аркадий уже не расслышал. Он не отвечал за чужие договорённости и пока был этому рад.

У калитки стояла женщина в светло-серой шляпе с узкими полями. Она держала перед собой папку на резинках и прозрачный пакет с фотографиями.

— Римма Георгиевна Савельева, — сказала она. — Мне сюда или сразу к яблоням?

— Пока сюда. Аркадий Сергеевич Лунёв.

— Знаю. Вы мне трижды присылали один и тот же снимок.

— С разными подписями.

— Вот поэтому и трижды отвечала.

Она не улыбнулась, но в голосе не было упрёка. Аркадий принял пакет и вытащил верхнюю копию. У здания мастерской стояли шестеро мужчин; справа лежала куча щебня, слева в кадр попала половина грузовика.

— Здесь вы написали, что это не сдача объекта.

— Потому что не сдача. Посмотрите на водосток. Его ещё нет. И ворота не навешены. Люди могли сфотографироваться в любой день.

— Тогда «у новой мастерской»?

— У строящейся. И фамилия третьего — Кузьмин, не Кузнецов. Отчество не ставьте, пока не найдёте.

Данилин вышел из домика, кивнул Римме и направился к

своей веранде. Следом в дверях появился Меркушев.

— Римма! Всё точность наводишь?

— А ты всё мешаешь?

Она сняла шляпу и прошла к крыльцу. Аркадий последовал с фотографией: Меркушев мог помнить ещё кого-нибудь.

Тот уже открыл папку. Поверх плотных листов лежал небольшой отпечаток чертежа. В нижнем углу виднелась часть рамки, дальше изображение обрывалось. Меркушев потянулся к фотографии и сдвинул отпечаток.

Римма остановила руку над столом.

— Это откуда у тебя?

— Что именно?

— Вот это изображение. Где правая часть?

— Сделали как смогли. Сейчас качество копирования такое, что…

— Геннадий, я не про чёткость.

Он положил фотографию поверх чертежа.

— Давай не с порога. Ты пришла — хорошо. Посидим, поговорим. Аркадий Сергеевич, вы нас ненадолго оставите?

Римма посмотрела на Аркадия, затем положила шляпу на колени и села.

— Пакет с фотографиями возьмите. Там на оборотах карандашом. Только не стирайте вопросительные знаки.

Аркадий забрал пакет.

Уже у калитки он оглянулся. Дверь домика оставалась от-

крытой. Меркушев говорил что-то тихо, Римма, сидевшая к выходу боком, не отвечала.

***

В саду пока были только скамья, коробка зажимов и несколько стульев, принесённых из правления. Столы должны были поставить позже: солнце ещё перемещалось между яблонями, и место, казавшееся тенистым в два часа, к четырём могло оказаться открытым.

Аркадий разложил фотографии на скамье. На ближайшем участке работала косилка. Встречу специально назначили на шесть, когда спадёт жара, но подготовка всё равно пришлась на самое неудобное время.

— Не сядете? — спросил подошедший мужчина. — А то я сяду и буду смотреть на вас снизу, как на проверяющего.

Он был невысок, круглолиц, с тяжёлыми очками на коротком шнурке. В одной руке нёс рулон, в другой — бутылку воды и кепку.

— Эдуард Матвеевич Рябинин.

Аркадий освободил край скамьи.

— Мы по телефону говорили.

— Да. Про подписи. Но я не только ради подписей приехал.

Рябинин положил рулон на колени и осторожно снял две резинки.

— Вы сметами занимались? — спросил Аркадий.

— Всю жизнь. Теперь чужими ошибками в сметах. Работы

не меньше.

Он развернул обложку большого макета. Бумага была гладкая, плотная; по верхнему краю шло название: «Историческая реконструкция северного подхода». Внизу мелко, но отчётливо стояло: «Студия пространственной графики „Линия места“. Алексей Петрович Светлов».

Аркадий прижал загибающийся угол.

На изображении знакомый северный край товарищества был виден сверху и немного сбоку. Яблони стояли ровнее настоящих, за ними тянулась широкая дорога. Её серое полотно уходило за край рисунка с такой уверенностью, будто всю местность сначала устроили ради него, а уже потом поставили дома.

— Это когда сделано?

— В июне. Мне на днях передали.

— Кто заказал?

— Не я. Я получил для обсуждения. Вы на саму схему посмотрите.

— Я смотрю. Здесь написано «историческая».

— По старым материалам делали.

— По каким?

Рябинин выдохнул и открыл воду.

— За этим сегодня и собрались. Я же не утверждаю, что сам здесь дорогу укладывал.

— Откуда взялся такой размер проезда?

— Аркадий Сергеевич, если выяснится, что тут действи-

тельно был подход, нам выгоднее знать об этом раньше, чем когда принесут готовое решение.

— Подход и эта дорога — одно и то же?

— Вот и выясним.

Рябинин отпил, закрыл бутылку и поставил возле ноги.

— Вы можете быть против продажи. Я могу быть за переговоры. Но пока каждый машет своей картинкой, цена неопределённости растёт для всех. Кто-то крышу не чинит, потому что думает: всё равно снесут. Кто-то чинит и боится, что зря. У меня люди спрашивают, сколько закладывать на ремонт. Что им отвечать?

— По состоянию крыши.

— Хороший ответ. Особенно если у человека деньги только на одно решение.

Аркадий не возразил. Он сам отказался от продажи дачи, но это не сделало чужие расходы проще.

Рябинин разгладил обложку.

— Геннадий сказал, у него есть подтверждающие материалы. Не картинка. Основание.

— Мне он обещал северный лист.

— Возможно, тот же комплект.

— Можно я сниму обложку?

— Снимайте. Только не пишите, что Рябинин принёс проект на утверждение. У меня полномочий утверждать даже эту скамью нет.

Аркадий сфотографировал название и выходные сведе-

ния. Рябинин свернул макет, но одну резинку уронил в траву. Они оба наклонились; Аркадий нашёл её у ножки скамьи.

С дорожки показалась Римма. Шляпу она держала в руке, словно забыла надеть.

— Он принимает? — спросил Рябинин.

— Он разговаривает, — ответила она. — Это не всегда одно и то же.

— Я ненадолго.

— Все ненадолго.

Рябинин поднял рулон и пошёл к северо-западной улице. Римма проводила его взглядом.

— Вы успели обсудить снимки? — спросил Аркадий.

— Один. Остальные вечером.

Она вынула из папки сложенную вдвое бумагу, подумала и убрала обратно.

— Я попросила его назвать источник. А он объясняет, как трудно было всё собрать.

— Назвал?

— Мне нужен ответ, который можно записать. Такого пока нет.

Это было всё, что она пожелала рассказать.

— Где здесь можно руки вымыть?

Аркадий указал на ближайшую колонку сезонного водопровода.

— Напор слабый, но есть.

— Мне хватит.

Он хотел спросить, почему она узнала именно этот край чертежа, но Римма уже отошла, прижимая папку локтем.

За скамьёй кто-то поднял стул. Аркадий обернулся.

Женщина в светлой блузе переставляла его из полосы солнца под яблоню. Длинные рукава она закатала выше локтей, чтобы не цеплялись за спинки.

— Эти тоже туда? — спросила она, показывая на два соседних.

— Позже будем расставлять.

— Позже можно расставить, а сейчас на них не сесть. Они горячие.

Она взяла второй. Аркадий перенёс третий.

— Здесь Римме Георгиевне удобно будет, — сказала женщина. — И солнце не в глаза.

— Вы с ней приехали?

— Нет, встретились у поворота. Надежда Левина.

Он назвал себя.

— Вы мне писали о фотографии Павла Андреевича.

— Да. Это мой отец.

Аркадий достал из прозрачного пакета копию снимка. Надежда не потянулась сразу. Сначала отряхнула ладони, опустила рукава и только потом взяла лист за края.

На снимке молодой мужчина стоял возле невысокой рейки; рядом двое держали натянутую мерную ленту. За спинами темнели почти неразличимые деревья.

Надежда прочла подпись.

— «Первые строители сада» лучше убрать.

— Чем заменить?

— Что они делают на фотографии?

— Пока написали, что размечают участок.

— Значит, так и напишите. Отец был путейцем. Это не означает, что всё, возле чего он снят, он строил.

Она поднесла фотографию ближе.

— И здесь не летом. Видите, у него под курткой тот толстый джемпер? Впрочем, по одежде дату ставить не надо.

Аркадий вынул карандаш.

— Имя и отчество подтвердите?

— Павел Андреевич Левин. А остальных вы знаете?

— Двоих уточняем.

— Тогда не надо его одного подписывать полностью, а остальных оставлять «с товарищами». Найдёте — допишете всех.

Она вернула снимок, но задержала палец на уголке.

— Можно мне потом эту копию? У нас такая была, только справа обрезана.

— Конечно. Эту забирайте. Для работы ещё есть.

Надежда положила лист в сумку между двумя жёсткими обложками. Там уже лежала тонкая папка, застёгнутая на кнопку.

— У вас всё по порядку, — заметил Аркадий.

— На работе приучили. Если лист пропал, спрашивают не лист.

— Архив?

— Производственное планирование. Сроки, заявки, переносы. Если кто-нибудь пишет «готово», потом долго выясняем, что именно готово.

— Знакомо.

— Вам, наверное, тоже часто обещали «почти пришло»?

— Поезда обычно так не выражались. Люди — постоянно.

Она впервые улыбнулась.

Аркадий показал ей приготовленную наклейку для папки. На ней было написано: «История СНТ. Старые фотографии».

— Понятно?

— Красиво. Но потом сюда положат всё старое, что некуда девать. Назовите «Фотографии к встрече двенадцатого июля». И отдельно — что уже проверено.

— Вера Андреевна предлагает подписи хранить рядом, не приклеивать к оригиналам.

— Правильно. Исправлять легче.

Надежда повернула один из стульев, чтобы он не качался на корне, и села. Сняла с плеча сумку, поставила на колени.

— Геннадий Николаевич уже приехал?

— У Данилина. К нему сейчас Рябинин пошёл.

— Тогда пока помогу вам. У нас назначено после четырёх.

— Вы на общей встрече останетесь?

— Пока не знаю. Я к нему по отдельному вопросу.

Она сказала это спокойно, без просьбы не спрашивать

дальше. Аркадий и не спросил. Дал ей чистые полоски бумаги, а сам принялся переписывать исправленные подписи. Надежда складывала готовые рядом со снимками и придерживала их зажимами.

У фотографии мастерской она задержалась.

— Здесь вопросительный знак оставляем?

— Римма Георгиевна велела не стирать.

— Тогда лучше и на новой подписи оставить. Иначе старую уберут, а сомнение потеряется.

Аркадий дописал знак. На столе для фотографий ещё не лежало ни одной доски, а работа уже шла.

***

Семён пришёл со свёрнутой бечёвкой и двумя деревянными подкладками.

— Для чего бечёвка? — спросил Аркадий.

— Простыню снизу прихватить. Ветер поднимется — все ваши фамилии по саду полетят.

— Есть зажимы.

Семён рассмотрел один, нажал.

— Эти сядут. Тогда верёвку заберу.

Он заметил Надежду и остановился.

— Павлова дочь?

— Надежда Павловна, — сказала она.

— Я помню. Ты маленькая… — Семён осёкся. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, Семён Ильич.

Надежда не поднялась, но подвинула соседний стул. Семён остался стоять.

— Фотографию вам отдали?

— Да. Спасибо.

— Там у рейки ваш отец. Я помню, в тот день…

Он посмотрел на снимки у Аркадия и потёр ладонью набалдашник палки.

— В общем, с подписями вечером разберём.

— Я уже сказала, что знаю, — ответила Надежда.

Аркадий взял пустой пакет из-под простыней.

— Семён Ильич, стол пока у калитки. Посмотрим, с какой стороны удобнее брать? Сейчас не понесём. К половине пятого.

— Пойдём.

На дорожке Семён шёл молча. За яблонями заработал дождеватель, и им пришлось на несколько шагов отступить к забору, чтобы не попасть под вращающуюся струю.

— Надежду давно видели? — спросил Аркадий.

— Давно.

— Она вас узнала.

— Меня нетрудно.

У сто восемнадцатого участка Рябинин стоял возле калитки и убирал телефон. Рулон был зажат под мышкой.

— Всё, освобождаю, — сказал он. — Геннадий Николаевич вас ждёт.

— Меня? — спросил Семён.

— Он сказал: если встречу, передать.

Рябинин поправил очки и направился к улице. Аркадий хотел напомнить ему о шести часах, но тот сам обернулся:

— Я к началу постараюсь. Мне ещё по работе созвониться.

Меркушев вышел из домика и, увидев Семёна, остановился у нижней ступеньки.

— Семён Ильич.

— Геннадий Николаевич.

Они не подали друг другу руки. Данилин, возившийся у веранды с мешком крепежа, поднял голову, потом снова занялся своим делом.

— Сад у вас вырос, — сказал Меркушев.

— Деревья растут.

— И ты всё так же его держишь.

— Не я один.

Меркушев перевёл взгляд на Аркадия.

— Семён всегда был за коллектив. Умел людей собрать.

Семён поставил палку возле стола, проверил ладонью доску и сказал Аркадию:

— С этой стороны понесёшь. Здесь край гладкий.

Меркушев подождал.

— Зайди на минуту. Есть вещи, которые тебе прежде остальных стоит посмотреть. Для ваших защитников сада может оказаться очень кстати. Историческое основание — не плакат.

— Ты Лунёву обещал к шести принести.

— И принесу. Но есть разговоры не для общего стола.

Семён выпрямился. Аркадий видел его руку на краю столешницы: большой палец медленно тёр фиолетовую полосу.

— Поговорим, — сказал Семён. — Только не надо заранее рассказывать, что мне будет кстати.

Меркушев отступил, пропуская его к крыльцу.

Аркадий остался у стола. Посмотрел на подкладки, оставленные Семёном, переложил их в пакет и пошёл к Данилину спросить, где взять тряпку.

Хозяин выдал ему ведро и старое полотенце.

— Тут ягодный сок не отмоете. Сколько ни трите.

— Мне пыль снять.

— Тогда вот это. Хорошее не берите, жена заметит.

Данилин продолжал перебирать крепёж. Из домика доносились голоса, но слов Аркадий не различал. Он выжал полотенце и провёл вдоль столешницы. На серой доске выступили тёмные полосы, из щели вымылся кусок сухого листа.

Пока стол сох, Аркадий позвонил Орловой. Та была в правлении и просила не забирать последний исправный степлер.

— Нам он не нужен.

— Это вы говорите. Уже приходили за ним для встречи.

— Возьмём зажимы. И ещё: на общем столе я сначала составлю перечень того, что Меркушев предъявит.

— Он показал лист?

— Нет.

Орлова некоторое время молчала.

— Тогда не давайте никому писать, что архивный поиск окончен.

— Не дам.

Когда Аркадий убрал телефон, Семён уже шёл от домика. Он взял палку, посмотрел на влажный стол и спросил:

— В половине пятого здесь?

— Да.

— Приду.

— Удалось посмотреть?

Семён задержался.

— Кое-что.

— Северный лист?

— Пусть сам покажет, что у него есть.

Ответ был сказан не зло, но продолжать Семён явно не хотел. Потом он всё же добавил:

— Мне его выгодная версия не нужна. Я так и сказал. И фамилию Левина сюда приплетать не надо.

— К саду?

— К своим предложениям.

Семён пошёл к калитке и только там вспомнил про подкладки.

Аркадий поднял пакет.

— У меня.

Семён кивнул и ушёл.

На телефоне было 15:49. До переноса стола оставалось время, чтобы сходить домой и поесть. Аркадий с утра собирался не пропускать обед из-за чужих приготовлений; теперь этот обед опять отодвигался, хотя никто его прямо не просил.

Он выплеснул грязную воду под смородину и направился к домику.

Меркушев стоял у окна, собирая бумаги. Папка раскрывалась широко; внутри оказалось несколько прозрачных отделений. В каждом лежали листы, часть — лицевой стороной вниз. Из дверного проёма нельзя было понять, сколько среди них чертежей и сколько обычного текста.

— Геннадий Николаевич, на минуту.

— Да, конечно.

— В шесть начнём с перечня. Название документа, подлинник или копия, откуда получен. Потом уже обсуждение.

— Вы хороший порядок придумали.

— Вы сможете по каждому листу это сказать?

Меркушев закрыл одно из отделений.

— По каждому нужному — смогу.

— Кто определит нужные?

— Давайте не превращать встречу товарищей в приёмку дел.

Аркадий поставил пустое ведро возле крыльца. От нагретой стены шло тепло; в домике было заметно прохладнее.

— Мы и собирались встретиться с товарищами. Вы пред-

ложили привезти недостающий документ. Теперь Эдуард Матвеевич ждёт подтверждения дороги, Семён Ильич — довода в пользу сада.

— Одно не обязательно исключает другое.

— Тогда нужно посмотреть вместе.

— Для этого вечер и назначен.

— А Надежде Павловне вы что обещали?

— Надежде Павловне — отдельный комплект, касающийся её отца. Это вообще не предмет вашей рабочей группы.

— Не предмет, — согласился Аркадий. — Поэтому и спрашиваю, сколько у вас разных документов. Чтобы не обсуждать частное при всех.

Меркушев посмотрел на часы.

— Мы с ней отдельно договорились. Она скоро подойдёт.

— Я не собираюсь присутствовать.

— Вот и хорошо.

Из основного дома Данилин окликнул гостя:

— Геннадий, будешь есть? Я позже принесу, сейчас занят.

— Буду, спасибо! Что есть, то и принеси.

Он снова повернулся к Аркадию, уже с прежней лёгкой улыбкой.

— Вы поймите, люди по-разному прожили эти годы. Одному важно, что сохранилось. Другому — что можно теперь сделать. Третьему нужна справедливость. Если я всем выложу одну пачку, половина уйдёт, так и не найдя своего.

— Можно сначала дать им увидеть пачку.

— Не всё так просто.

Аркадий вспомнил обложку с ровной серой дорогой и Риммину руку, остановившуюся над обрезанным чертежом. Сам он не слышал, о чём здесь говорили с Рябининым, а от разговора с Семёном знал лишь начало и несколько слов после. Этого не хватало, чтобы судить о договорённостях. Но обещания, произнесённые при нём, уже плохо помещались рядом.

До приезда Меркушева требовалось освободить место для одного листа. Теперь Аркадий не мог даже выяснить, сколько бумаг предполагается положить на стол.

— Копию северного листа все получат одинаковую? — спросил он.

Меркушев защёлкнул папку.

— Одинаковые бумаги разным людям ни к чему, Аркадий Сергеевич.

За спиной Аркадия Данилин катил пустую тачку; колесо поскрипывало на каждом обороте. Меркушев ждал, и Аркадий понял, что другого ответа сейчас не будет.

— Тогда в шесть начнём с состава материалов, — сказал он. — До любых выводов.

Он забрал ведро и отнёс к веранде.

У калитки стол уже подсыхал, оставляя тёмные участки только возле щелей. Аркадий провёл пальцем по гладкому краю, который выбрал ему Семён, и достал рабочий лист встречи. Над строкой «Подписи к фотографиям» дописал:

«Что именно привезено. Источник каждого документа».

Потом убрал лист, не складывая его вместе со снимками.

До половины пятого он ещё успевал домой. На кухне был хлеб, холодная картошка и свободный стол. Аркадий решил сначала поесть, а затем вернуться за мебелью. К шести общий стол будет готов.

Оставалось добиться, чтобы бумаги на нём тоже стали общими.

Глава 3. До общей встречи

Под короткую ножку Семён предложил положить крышку от банки.

— Она сомнётся, — сказал Аркадий.

— Нам не плясать на нём.

— Нам фотографии раскладывать.

— Фотографии лёгкие.

Семён нажал на угол стола. Другой угол приподнялся, и фиолетовая полоса на доске качнулась вместе с ним.

Аркадий молча посмотрел на крышку.

— Ладно, — сказал Семён. — Давай свою деревяшку.

Они донесли стол от сто восемнадцатого участка без остановок, но у яблони выяснилось, что ровное на вид место понижается к канаве. Передвигать стол дальше не хотелось: здесь тень продержалась бы до конца встречи, а рядом оставалось достаточно места для стульев. Аркадий принёс из-под скамьи короткий обрезок доски. Семён приподнял угол, подождал, пока тот подложит, и осторожно опустил.

На этот раз ничего не качнулось.

— Вот теперь можно архив принимать, — сказал он.

Аркадий снял кепку и вытер лоб сгибом локтя. Часы показывали шестнадцать сорок. До начала оставалось восемьдесят минут — времени достаточно, если не затевать улучшений.

Он расстелил на столе старую белую простыню. Вдоль одного края прошёлся синий шов: ткань когда-то надставили узкой полосой. Для стола она подходила, только угол свисал слишком низко.

Семён потянулся к нему и остановился.

— Подвернуть?

— Да. С вашей стороны ещё немного.

Они выровняли ткань. Фиолетовая полоса просвечивала сквозь неё, но теперь уже не мешала.

— Полку твою мы с меньшими хлопотами разметили, — заметил Семён.

— Полку ещё не повесили.

— Я и говорю: с меньшими хлопотами.

От общей дорожки шла Вера. Она несла коробку под мышкой и пакет с канцелярскими зажимами, которые позвякивали на каждом шаге. Аркадий хотел принять коробку, но она поставила её на ближайший стул сама.

— Только не на стол. Снизу пыльная.

Внутри лежали карандаши, листы плотной бумаги, несколько прозрачных карманов и две линейки. Вера оглядела простыню.

— Хорошо. Теперь бы не поставить сюда чай.

— Для чая отдельная скамья, — сказал Аркадий.

— И для воды отдельная. Я принесла бутылки, они у Галины.

Она достала зажимы и закрепила ткань на торцах. Ветер

едва шевелил листья над ними, но открытые листы на соседней скамье уже пришлось придавить очечником.

— Надежда Павловна к вам не заходила? — спросил Аркадий, вспоминая, что та ещё днём выбирала размер папки для фотографии.

— Заходила недавно. Большой конверт понадобился. И позвонить хотела без разговоров вокруг. Я ей на веранде место освободила.

— Нашли конверт?

— Один остался от старого заказа. Без окна, как она просила.

Вера переложила карандаши в неглубокую коробку, чтобы не катались. Семён поправил подкладку под ножкой носком ботинка.

— Больше не трогайте, — сказал Аркадий. — Уже стоит.

— Проверил только.

У скамьи Галина и женщина, помогавшая разбирать снимки, спорили о том, с какой стороны видна вывеска мастерской. Галина держала фотографию на вытянутой руке; женщина поворачивала её к свету, хотя от этого вывеска яснее не становилась. До Аркадия донеслось:

— Не увеличивай больше. У него уже вместо лица одни квадраты.

Галина ответила, что увеличивает не лицо.

Семён снял фуражку и положил её на свободный стул. На внутренней ленте потемнел след пота.

— После встречи поговорим? — негромко спросил Аркадий.

— О чём?

— О Геннадии Николаевиче.

Семён посмотрел в сторону скамьи.

— Сначала бумаги посмотрим.

— Вы сегодня уже смотрели.

— Кое-что.

— И?

— Аркадий, я сейчас не хочу второй раз с ним разговаривать. Даже без него.

Он сказал это устало, без прежней резкости. Потом взял стул за спинку.

— Этот куда?

Аркадий показал место с другой стороны стола.

Пока расставляли стулья, выяснилось, что крайние попадали на солнце. Вера предложила не ставить их в ровный ряд: люди всё равно подвинутся к снимкам, а проход между столом и яблоней лучше оставить свободным. Семён сперва начал объяснять, что в проходе никто сидеть не собирается, потом увидел, куда придётся отодвигать его собственный стул, и переставил.

— Ты садись пока, — сказал он Аркадию. — Проверим, достанешь до бумаг.

— Я и стоя достаю.

— Для полки годится, для встречи нет.

Аркадий сел. Вера положила перед ним чистый лист, Семён подвинул коробку с карандашами. Получилось так похоже на начало заседания, что все трое ненадолго замолчали.

— Повестка одна, — сказал Аркадий. — Не ставить бутылки на фотографии.

Вера улыбнулась.

— Уже лучше большинства повесток.

Он встал и отнёс свой рабочий лист к её коробке. Первый пункт был вписан над остальными: «Что именно привезено. Источник каждого документа». Бумага помялась в кармане. Аркадий разгладил её ладонью.

Ему всё ещё казалось, что в шесть удастся начать заново. Без дверных проёмов, в которых тебя заставляют ждать конца чужого разговора, без отдельных обещаний каждому. Положить перед Меркушевым перечень, попросить назвать листы. Если тот откажется, так и записать. Неприятно, но не беда.

Семён тем временем заметил, что один из стульев цепляет ткань спинкой. Они с Верой отодвинули его, затем повернули соседний. Аркадий занялся зажимом: у одного отогнулась металлическая ручка и не хотела вставать на место.

— Дайте другой, — сказала Вера.

— Сейчас войдёт.

— Аркадий Сергеевич.

Он посмотрел на неё и положил зажим в коробку. Вера протянула исправный.

К фотографиям подошла Римма Георгиевна. Аркадий услышал её голос прежде, чем увидел: она просила не писать фамилию на обороте, если уверенности нет.

— Можно на отдельном листочке, — сказала Галина.

— На отдельном тоже не надо без вопросительного знака.

Римма села боком к скамье. Женщина рядом подвинула ей стопку. Аркадий вернулся к столу: Семён держал дальний край ткани, пока Вера закрепляла последний угол. Люди отходили за водой, возвращались к снимкам, перекладывали сумки из солнца в тень. Следить за ними Аркадию не приходило в голову.

В начале шестого жара стала спадать, но под деревьями прибавилось мошкары. Семён отмахнулся фуражкой и стал искать в кармане платок. Телефон коротко завибрировал у него под рукой. Он прижал карман ладонью и снова взялся за стул, который они с Верой переносили к скамье.

Аркадий в это время сверял часы с экраном своего телефона: семнадцать двенадцать. Орлова спрашивала сообщением, всё ли готово.

Он ответил: «Стол и места готовы. Начнём с состава привезённых материалов».

Председатель прислала короткое: «Подойду без десяти».

— У вас вода есть? — спросила Вера.

Аркадий кивнул на бутылку у дерева.

— Пейте, а не показывайте.

Он открутил крышку. Вода успела нагреться, зато пить

можно было не торопясь. Семён стоял рядом и смотрел на разложенные фотографии.

— Вот ту не помнишь? — спросил он.

— Какую?

— Где лестница за спиной. У нас в такой столовой столы были. Там ещё на стене…

Он не договорил и нахмурился.

— Не помню названия.

— Здесь не столовая, — отозвалась Римма со скамьи.

— Я вижу. Столы похожи.

— Тогда так и скажи.

Семён пробормотал, что уже сказал, но не обиделся. Сел на край стула, вытянул ноги и взял у Аркадия бутылку.

Римма собрала несколько снимков в прозрачную папку. Данилин, подошедший со стороны улицы, остановился возле неё. Аркадий слышал только конец их разговора.

— До общего начала уточним, — сказала Римма. — При всех опять уйдёт в воспоминания.

— Пойдём, — ответил Данилин.

Они направились к дорожке между участками. Аркадий хотел напомнить про перечень, но решил не окликать через весь сад. У него самого было достаточно вопросов на шесть часов.

Вера присела рядом с Семёном. Галина принесла ещё одну бутылку и попросила освободить край скамьи для папок. Аркадий перенёс коробку с пустыми карманами под стол,

оставив сверху только карандаши и рабочий лист.

Телефон Веры зазвонил, когда он расправлял загнувшийся угол бумаги.

— Да, Римма Георгиевна.

Она слушала, глядя перед собой. Потом встала.

— Вызвали?

Аркадий убрал руки со стола.

— Хорошо. Да. Сейчас.

Вера опустила телефон не сразу. Галина, державшая открытую бутылку, перестала закручивать крышку.

— Что? — спросил Семён.

— Меркушев в домике. Они нашли его… Римма говорит, крови много. Данилин вызвал службы.

— Живой?

— Не знает. Им говорят по телефону, что делать.

Аркадий посмотрел на часы. Было двадцать семь минут шестого.

— Я пойду к участку.

Семён поднялся вслед за ним.

— Я тоже.

— Не надо всем к двери, — сказала Вера.

Он остановился, словно только теперь понял, куда собирался идти.

— Я здесь останусь, — добавила она. — Надо Орловой позвонить.

Аркадий кивнул и пошёл один. За спиной Галина спро-

сила, что написать людям. Вера ответила, что сперва нужно связаться с председателем.

До участка Данилина было несколько минут ходу. У соседнего дома поливали дорожку; вода текла через колею тонкой мутной струёй. Аркадий переступил через неё, пропустил мальчика на велосипеде. Мальчик вёз на руле пакет с хлебом и не знал, что нужно ехать тише. Никто на улице ещё не знал.

У сто восемнадцатого стояла чужая машина с открытым багажником. Из неё выгрузили два мешка, третий оставили поперёк прохода. Хозяин машины смотрел в сторону калитки.

Данилин был у забора. Телефон он держал у уха, свободной рукой показывал куда-то за Аркадия.

— Нет, с главных ворот налево, потом… Подождите. Я сам выйду.

Он увидел Аркадия и шагнул к нему, не закончив разговора.

— Я домик дал. Он до завтра просил. Я же не знал…

— Кто сейчас на линии?

— Бригада. Дорогу спрашивают.

— Вы оставайтесь здесь. Дайте я объясню.

Данилин включил громкую связь. Аркадий назвал участок, поворот и ряд с зелёным сетчатым забором. Попросил не сворачивать к саду: оттуда машина к домику не проедет.

Потом обратился к человеку у багажника:

— Поворот, где две берёзы, знаете?

— Знаю.

— Можете встретить там и показать дорогу сюда?

Тот кивнул и закрыл багажник.

— Машину сначала уберите, пожалуйста. Здесь не разойдутся.

Мешок перенесли вдвоём. Аркадий остался снаружи, пока автомобиль не отъехал к широкому месту у соседнего забора.

Римма сидела на хозяйском крыльце. Папка с фотографиями лежала у её ног; одна застёжка была открыта. Руки она держала на коленях ладонями вниз.

— Мы за ним пошли, — сказала она, когда Аркадий подошёл к калитке. — Хотели до всех поговорить. В семнадцать двадцать четыре нашли.

Голос у неё стал тихим и плоским. Днём она выговаривала каждую поправку так, что её слышали через стол; теперь Аркадию пришлось наклонить голову.

— Вы время видели?

— Виктор посмотрел, когда звонить стал. Сказал: двадцать четыре. Я думала, мы рано.

Данилин убрал телефон.

— Рано пришли, — повторил он. — До шести ведь ещё…

Он повернулся к гостевому домику и сделал два шага.

— Там полотенце. Я принесу.

— Виктор Ростиславович, — остановил его Аркадий. —

Подождите бригаду. Они уже едут.

Данилин замер.

Дверь домика была приоткрыта. С калитки Аркадий видел лишь край порога и полоску пола, дальше — темноту после яркой улицы. Он не стал менять место, чтобы разглядеть больше.

У забора остановились две соседки. Одна спросила, не сердце ли у приезжего. Данилин посмотрел на неё с таким недоумением, словно она заговорила на другом языке.

— Пожалуйста, отойдите от калитки, — сказал Аркадий. — Сейчас сюда подъедут.

— Мы не мешаем.

— Машине нужно место.

Это оказалось понятнее. Женщины отошли, но остались напротив.

Сначала прибыла медицинская бригада. Аркадий показал нужную дорожку и остался у калитки. Один из медиков задал Данилину несколько коротких вопросов; второй уже шёл к домику с сумкой. Хозяин попытался последовать за ними, но его попросили подождать снаружи.

Римма подняла голову.

— Можно я уйду с этого крыльца?

— Конечно, — сказал Аркадий.

Он взял свободный стул у веранды и поставил в тень, подальше от дорожки. Римма сама подняла снимки. Прозрачный карман выскользнул из папки; она поймала его за угол

и несколько секунд не могла попасть обратно.

Аркадий придержал раскрытую обложку.

— Сюда.

— Я вижу.

Она убрала снимок и села.

Со стороны улицы подошла Надежда. Аркадий заметил её, когда она остановилась перед калиткой, не пытаясь протиснуться мимо него.

— Что случилось?

— Меркушева нашли в домике. Сейчас там медики.

Она посмотрела на открытую дверь.

— Римма Георгиевна здесь?

— Здесь. Пожалуйста, подождите снаружи.

Надежда отступила к забору. Задавать ещё вопросы она не стала.

Вскоре приехали сотрудники полиции. Один остался у входа на участок, другой подошёл к Данилину. Аркадий уступил место у калитки и коротко объяснил, что пришёл после вызова, внутрь домика не заходил. Его попросили пока оставаться поблизости.

Он отошёл к соседнему забору. Теперь распоряжаться подъездом больше не требовалось. Человек, встретивший бригаду, стоял рядом и вертел в руке автомобильные ключи.

— Я могу ехать?

Аркадий показал на сотрудника.

— Уточните у него. Я не решаю.

Из домика вышел медик. Он подошёл к Данилину и заговорил негромко. Аркадий услышал только:

— Констатировали смерть.

Данилин опустил обе руки. До этого он всё время что-то показывал, доставал телефон, поправлял ремень на часах. Теперь стоял совершенно неподвижно.

— Родственники есть? — спросил медик.

— У него? — Данилин сглотнул. — Есть, наверное. Я не знаю номера.

Римма закрыла глаза и сразу открыла их.

На дороге по-прежнему слышались обычные дачные звуки. За двумя заборами стучали молотком, где-то работал насос. Аркадий посмотрел на часы и не запомнил показания. Впервые за день время ничего не предлагало ему сделать.

***

Белова приехала, когда к шести оставалось совсем немного. Она поздоровалась с Аркадием кивком, выслушала сотрудника у калитки и прошла к домику.

Орлова появилась почти одновременно с ней. В одной руке у председателя был телефон, в другой — тонкая папка для встречи. Увидев Аркадия, она остановилась.

— Подтвердилось?

— Медики сказали: умер.

Она прижала папку к боку.

— Отменяем. Я уже предупредила тех, кто собирался ехать. Галина ждёт текст.

Аркадий смотрел, как Орлова набирает сообщение. Она стёрла первую строку, написала другую и дала ему прочитать:

«Встреча рабочей группы и приглашённых сегодня в 18:00 отменена. На участке №118 работают экстренные службы. Просим не подходить к участку и не занимать подъезд».

— Без подробностей, — сказала она. — Родственникам ещё сообщить надо.

— Да.

Орлова отправила текст Галине и убрала телефон.

— Фотографии в саду остались. Их нельзя на ночь там бросить.

Она произнесла это почти виновато.

— Вера там, — ответил Аркадий. — И Семён Ильич.

— Я ей позвоню.

У калитки Надежда разговаривала с сотрудником. Аркадий услышал, как она назвала своё полное имя и сказала, что сегодня была у Меркушева. Сотрудник записал и попросил подождать отдельно, возле соседней скамьи. Римме предложили остаться на стуле у веранды, Данилина отвели к основному дому. Никого не приглашали к гостевому.

Когда Белова вышла, у неё в руке был блокнот.

— Аркадий Сергеевич, вы пришли после вызова?

— Да. Вера Андреевна получила звонок от Риммы Георгиевны. Я был рядом.

— Во сколько?

— На моих часах было семнадцать двадцать семь. Я посмотрел после разговора. Время самого вызова служб не знаю.

— Где вы были до этого?

— В саду. Готовили стол с Семёном Ильичом. Переносили от Данилина. В шестнадцать сорок уже ставили на место — тогда я посмотрел на часы. Потом подошла Вера Андреевна.

— Дальше из сада уходили?

— До звонка нет. Расставляли стулья, закрепляли ткань. Семён Ильич помогал мне, потом они с Верой Андреевной ещё переносили стулья к скамье.

Белова записала.

— В домик сегодня заходили?

— Утром, до приезда Геннадия Николаевича, заглянул с порога, не заходя внутрь. После его приезда разговаривал с ним у двери.

— Последний раз когда?

— После того, как от него ушёл Семён Ильич. Это было уже после пятнадцати сорока девяти. Я уточнял порядок общей встречи, затем пошёл домой обедать. Обед у меня сегодня поздний. Точную минуту разговора не назову.

— После того как узнали о происшествии?

— В домик не входил.

— Что-нибудь трогали на участке?

— Перенёс стул от веранды для Риммы Георгиевны. Придержал её папку, когда она убирала фотографию. Снаружи калитки помог убрать мешок с дороги.

Белова записала и это.

— До происшествия был конфликт при вас?

— Были отдельные разговоры. Всех не слышал. Меркушев обещал разным людям материалы с разными выводами. Мне показалось, он придерживал бумаги для частных договорённостей.

— О деньгах при вас говорили?

— Нет.

— То есть это ваше предположение?

— Да. Я слышал обещания. Условий не знаю.

Она попросила перечислить присутствовавших днём, затем уточнила, что именно Аркадий видел в открытой папке. Он рассказал о прозрачных отделениях, о листах, часть которых лежала лицом вниз, и об отказе показать всё до вечера.

— Полного состава не знаете?

— Нет.

— Сейчас, пожалуйста, не обсуждайте друг с другом содержание визитов. Каждому нужно вспомнить своё, не общий рассказ. Ваше подробное объяснение получим отдельно.

— Ирина Олеговна… Это убийство?

Она посмотрела на него прямо.

— Есть явные признаки насильственной смерти. Работа-

ем по этой версии. Подробности сейчас обсуждать не буду.

Аркадий кивнул.

Из основного дома Данилин вышел с бутылкой воды, но не открыл её. Он посмотрел на гостевой домик и обратился к сотруднику:

— У меня там удлинитель. Для насоса.

— Пока ничего не забирайте.

— Я понимаю.

Он постоял, потом поставил бутылку на ступеньку. Аркадий вспомнил, как утром хозяин передвигал ведро перед каждым открыванием калитки. Теперь на собственной дорожке Данилин ждал разрешения пройти.

Белова повернулась к Аркадию:

— Вы говорили об обещанном документе. Как он называл его точно?

— Северный лист. Утверждал, что располагает им и привезёт к встрече.

— Слово «оригинал» употреблял?

Аркадий перебрал в памяти разговор.

— Мне на прямой вопрос не ответил. Я спрашивал ещё сообщением. Переписку сохраню и передам.

— Передайте.

— Его нашли?

— Состав материалов ещё устанавливается. Сейчас я не могу сказать, есть ли там то, что вам обещали.

— И что пропало, тоже пока нельзя?

— Сначала нужно знать, что было.

Она вернулась к сотруднику. Аркадий остался у забора, глядя на сухую пыль между досками. Несколько часов назад он ждал от Меркушева перечня. Теперь такой перечень предстояло собирать без него — по чужим воспоминаниям, сообщениям и тому, что осталось в домике.

***

В сад его отпустили, попросив не уходить домой и держать телефон при себе. Орлова пошла с ним.

Галина уже отправила объявление. Она показала председателю экран, затем спросила:

— Там пишут: «Что именно произошло?» Я отвечаю, что подробностей для публикации нет.

— Так и отвечайте, — сказала Орлова.

— И про встречу на завтра спрашивают.

— Завтра встречи не будет. Новую дату сейчас не назначаем.

Семён стоял у стола и складывал зажимы в коробку. Вера собирала листки с подписями, проверяя, чтобы они не затерялись между фотографиями. Стулья уже сдвинули в сторону, но несколько человек всё ещё сидели на них с сумками на коленях.

При появлении Аркадия Семён перестал работать.

— Умер?

— Да.

— Что говорят?

— Признаки насильственной смерти. Ирина Олеговна просила не обсуждать между собой сегодняшние визиты. Будет спрашивать каждого отдельно.

Семён положил зажим в коробку. Промахнулся, поднял с ткани и положил снова.

Никто не спросил о северном листе. От этого Аркадию стало тяжелее: ещё час назад лист был причиной всех хлопот, а теперь вопрос о нём казался неприличным. Но он никуда не исчез. Только ответить на него стало труднее.

Вера подала ему рабочую страницу.

— Это ваше.

Под строкой «12 июля, 18:00» не было ни одной отметки о состоявшемся обсуждении. Аркадий дописал: «Встреча отменена» — и убрал лист.

— Стол назад не понесём, — сказал он Семёну. — У Данилина сейчас нельзя ничего ставить у калитки.

— Здесь оставим?

— Под навес уберём, — решила Орлова. — Завтра спросим.

Вера сняла простыню. Снова открылась фиолетовая полоса, которую Аркадий так и не сумел отмыть. На столе остались два карандаша. Он взял их и протянул ей.

Семён наклонился за подкладкой, но Аркадий остановил его:

— Когда поднимем.

Они взялись за края. Стол оказался всё таким же тяжё-

лым, как до звонка. У навеса пришлось повернуть его боком, пропустить ветку, выбрать место, где не будет капать с крыши.

Потом Аркадий вернулся за обрезком доски.

На примятой траве остался прямоугольник, вокруг которого расставляли стулья. Здесь собирались увидеть старый документ и спросить живого человека, откуда он его взял. Меркушев больше не ответит. Северного листа никто не предъявил — но из этого ещё не следовало, что его украли.

Аркадий поднял подкладку и отнёс под навес. На пустой стол её положить было уже можно.

Глава 4. Кто видел последний лист

В правлении пахло нагретой бумагой. Орлова открыла оба окна, но занавеска шевелилась только у одного: с другой стороны воздух стоял неподвижно.

Аркадий сел на стул, с которого убрали пачку квитанций. Белова положила перед собой блокнот. На столе между ними лежал его телефон с открытой перепиской.

— Это всё, что он вам присылал?

— В этой переписке — всё. Ещё звонил.

— Вложения были?

— Нет. Обещание привезти документ. Мой вопрос об оригинале. Ответ вы видите.

Белова наклонилась к экрану.

— «На месте будет понятнее».

— Да.

— И после этого вы согласились готовить встречу.

— Мы готовили её не только ради него. Фотографии, подписи, хранение. Он предложил добавить северный лист.

— Кто-нибудь ещё читал ваши сообщения до сегодняшнего дня?

Аркадий назвал Орлову. О приезде он говорил и с другими, но переписку целиком показывал только ей.

У окна глухо стукнула рама. Белова встала, подложила под неё сложенную полоску картона и вернулась к столу.

— Теперь о времени. В шестнадцать сорок вы были в саду.

— У стола. Только выровняли. Я посмотрел на часы.

— На свои?

— На наручные. Сегодня утром сверял с телефоном. Отдельной проверки часов не делал.

Она записала.

— Когда пришёл Круглов?

— Мы пришли вместе. Несли стол от Данилина.

— До этого были в гостевом домике?

— Нет. Стол стоял под навесом у калитки. Мы его взяли и понесли.

— Данилина видели?

Аркадий вспомнил смородину, сухую доску, Семёнову ладонь на краю. Хозяина в этом воспоминании не было.

— Не могу утверждать. Если и мелькнул у дома, я не запомнил.

— Когда вы в последний раз сами видели Меркушева живым?

— Перед тем, как ушёл обедать. После пятнадцати сорока девяти. На телефон посмотрел раньше, а разговор был потом.

— До какого времени?

— Точную минуту не назову. Спросил о порядке передачи бумаг. Он сказал, что ждёт Надежду Павловну.

— Вы видели, как она пришла?

— Нет.

Белова оставила между записями пустую строку.

— Содержание разговора повторите. Где не помните дословно — так и скажите.

Аркадий повторил вопросы о составе папки, об одинаковой копии для всех. На последней фразе остановился.

— «Одинаковые бумаги разным людям ни к чему». Это помню точно.

— Вы тогда решили, что он что-то продаёт?

— Что у него разные договорённости. Про деньги при мне не говорили.

— А сейчас?

Аркадий посмотрел на телефон.

— Сейчас я знаю не больше.

Ему хотелось спросить, с кем Меркушев успел поговорить после обеда. Белова заметила, что он собирается продолжить, и подождала.

— У вас уже есть последний человек, который его видел?

— Мы проверяем контакты. Ваши наблюдения сейчас важны сами по себе, не в сравнении с чужим объяснением.

— Понял.

— После шестнадцати сорока вы из сада не уходили до звонка Бессоновой?

— Не уходил.

— А Круглов?

— Работал со мной. Потом с Верой Андреевной. Стол накрывали, стулья переносили. Он не отходил надолго.

Белова подняла глаза.

— «Надолго» — это сколько?

Аркадий почувствовал досаду на себя. У другого он бы это слово сразу заметил.

— Не знаю. Я не следил. Он был рядом, когда требовалось держать стол, потом принёс стулья. В какие-то минуты я смотрел в другую сторону.

— Вот так и укажем.

Она попросила перечислить, что они делали и в каком порядке. Аркадий вспомнил простыню, зажимы, коробку Веры, стул, который пришлось переставить из-за торчащего корня. Эти мелочи прежде занимали весь его вечер. Теперь он старался не придать им задним числом значения, которого у них тогда не было.

Вспомнил и телефон Семёна.

— Завибрировал, когда я отвечал Орловой. У меня сообщение в семнадцать двенадцать. Семён экран не показывал.

— Он отошёл читать?

— При мне — нет. Продолжил переносить стул с Верой Андреевной.

Переписку Аркадия сохранили для передачи сотруднику. Белова уточнила номер, с которого звонил Меркушев, попросила не удалять историю вызовов. По её коротким распоряжениям было ясно: сообщения собирали не только у него, записи камер тоже уже поручили сохранить.

Аркадий перечитал записанное с его слов, исправил одно

место: не «Меркушев показал несколько документов», а «в папке были видны листы в прозрачных отделениях».

— Самих документов я не прочёл.

— Исправляйте.

Когда он вышел, на скамье в коридоре сидел Семён. Фуражку держал обеими руками.

— Долго? — спросил он.

— Сколько понадобится.

— Я не про себя. Вера снаружи ждёт.

Аркадий хотел ответить, но Семёна уже позвали. Он прошёл в кабинет, не задав больше ни одного вопроса.

***

Данилин стоял у крыльца правления с ключом от основного дома. Крутил его за кольцо, останавливал и начинал снова. На рубашке возле нижней пуговицы белела полоска песка.

— Сказали, здесь подождать, — сообщил он. — Ещё уточнить могут. Дома, конечно, сейчас тоже не посидишь.

Аркадий прислонился к перилам. Солнце ушло за крышу, но доски под ладонью оставались тёплыми.

— Воды принести?

— Пил. Спасибо.

Данилин посмотрел на рубашку и стряхнул песок. Тот попал в щель между досками.

— Я ведь ему поесть отнёс, — сказал он. — Обещал ещё при вас. Всё откладывал. То машину ждёшь, то мешки убираешь. Потом думаю: человек с дороги, а я его разговорами

накормил.

Аркадий молчал.

— Хлеб, сыр. На маленьком подносе. Нож положил, чтобы сам отрезал сколько надо. У меня сыр большим куском был.

— Вы это сотрудникам рассказали?

— Всё рассказал. Нож мой, с кухни. — Он убрал ключ в карман. — Геннадий сидел за столом. Живой. Очки нацепил, бумагу смотрел. Я поднос поставил, он листы сдвинул. Ещё сказал, что зря я хлопочу.

Из открытого окна донёсся вопрос Беловой. Слов было не разобрать. Данилин поднял голову, словно его могли позвать через стену.

— Во сколько вы принесли?

— Сначала сказал им — без двадцати пять. Потом телефон посмотрели. Разговор с поставщиком закончился в шестнадцать сорок две.

— Вы разговаривали в домике?

— На крыльце. Позвонили, когда я уже поднос поставил. Плохо слышал, вышел.

— Связь пропадала?

— Нет. Ветер ему в телефон дул. У меня-то связь нормальная. Я уже потом понял. Песок везли, водитель не с той стороны поехал. Объяснял, где встретить.

Данилин достал телефон, нашёл запись и повернул экран к Аркадию. В подробностях соединения было начало разго-

вора и его продолжительность. Вместе они давали окончание в 16:42.

— Вот. Поднос до этого отнёс.

— А самое раннее когда могли войти?

— На кухонные часы посмотрел, когда хлеб взял. Около шестнадцати тридцати восьми. Они обычные, настенные. Не стану говорить, что секунда в секунду. До домика рукой подать. Хлеб нарезанный, сыр на тарелку положил и понёс. Геннадий ещё спросил, когда собираемся. Я сказал: в шесть, ты пока поешь.

— Значит, между шестнадцатью тридцатью восемью и сорока двумя.

— Так мне и записали. И про кухонные часы тоже.

Аркадий вернул телефон.

— Звонок даст опору для времени.

— Ну вот.

— Для времени разговора. А что происходило перед ним, всё равно нужно проверять отдельно.

Данилин нахмурился.

— Я сам видел Геннадия.

— Я не спорю.

— И что мне, надо было с ним фотографироваться?

Аркадий не ответил сразу. По дорожке прошла женщина с пустой тележкой, замедлила шаг у правления. Данилин отвернулся, и она пошла дальше.

— Нет, — сказал Аркадий. — Не надо было. Только в

телефонной записи нет того, что вы видели в комнате.

Данилин провёл рукой по затылку.

— Мне уже это объясняли. А всё равно выходит, будто оправдываюсь, что человеку хлеб принёс.

— Вы не обязаны рассказывать мне ещё раз.

— Да я не вам… — Данилин опёрся локтями на перила. — У него бумага лежала. Расписка.

Аркадий повернулся к нему.

— Вы прочитали?

— Сверху слово. Крупно: «Расписка». Дальше напечатано. Внизу место для подписи, пустое. Я потому запомнил: поднос ставить некуда, он её за край взял и отодвинул.

— То есть текст был, не было подписи?

— Да. Не чистый лист.

— Кому расписка?

— Не знаю.

— Сумму видели?

— Не читал я. Мне тарелку поставить надо было.

Он сказал это резко, но тут же опустил голос:

— Им так и сказал. Подумал сначала, может, за домик написать хочет. Хотя я денег не просил. Потом он стал про встречу говорить, и я забыл.

Аркадий вспомнил чёрную папку, закрытую перед ним после разговора. Расписка тогда ему не попадалась. Он не стал спрашивать, видел ли Данилин её при обнаружении: хозяин сжал перила так, что побелели пальцы.

— После звонка я пошёл к западному въезду, — продолжил тот сам. — Там их встретил. Потом с разгрузкой возились. Водитель и помощник его.

— Со стороны складов?

— Да. Через главные ворота ему разворачиваться неудобно. Я заранее согласовал, чтобы пропустили. Песок высыпали не у дома, дальше тачкой. Помощник ещё ругался, что место плохо показал.

Он назвал обоих, потом пояснил, что фамилию помощника узнал только сегодня, когда понадобилось передать сведения сотрудникам.

— Номера у Савина. Квитанцию тоже сфотографировали. Пусть спрашивают.

Аркадий кивнул. Звонить этим людям самому не было ни причины, ни права распоряжаться их вечером. Кто кого видел при разгрузке и на сколько отходил, следовало выяснять не у Данилина на крыльце.

Хозяин опять достал ключ, но теперь не крутил, а разглядывал зубцы.

— Я потом к фотографиям пошёл. Хотел узнать, до встречи от меня ещё что-нибудь нужно или могу песок разровнять. Римма сказала, что лучше Геннадия заранее позвать. У неё к нему вопрос по снимку был. Вместе пошли.

На этом он замолчал.

Тележка за поворотом застучала по сухой колее. Звук ещё несколько секунд держался в воздухе после того, как женщи-

ну стало не видно.

Из правления вышел Савин и позвал Данилина.

Тот сделал шаг, потом вернулся за бутылкой, которую оставил у перил.

— Хлеб ведь там так и лежит, — сказал он негромко.

Аркадий остался у крыльца. Ему впервые за весь вечер захотелось не узнать что-нибудь ещё, а дойти до дома и закрыть за собой дверь.

***

Белова вышла минут через десять.

— Данилин рассказал мне о подносе и расписке, — сообщил Аркадий. — После своего объяснения. Я уточнял источник времени.

— Он сказал.

— Нож действительно тот, который он принёс?

— Нож остался на месте, на столе. Хозяин опознал свой кухонный, описал, как принёс его с едой. Это зафиксировано. О следах на нём пока говорить нечего.

Аркадий кивнул. Обычный предмет, взятый на обычной кухне. Данилин положил его рядом с хлебом, чтобы гостю было удобнее.

— А расписка?

— Сведения записаны. Её дальнейшая судьба пока не установлена.

— Он не назвал получателя.

— Не нужно его снова об этом расспрашивать.

— Не буду.

Белова спустилась на ступеньку.

— Аркадий Сергеевич, кто мог назвать исходный состав папки? Не «там были важные документы», а конкретный перечень.

— Не знаю такого человека. Я хотел начать встречу с этого. Не успел.

— Из тех, с кем вы сегодня говорили?

— Римма Георгиевна видела изображение чертежа. Рябинин ждал материалы о дороге. Семён Ильич — о саде. Надежда Павловна — об отце. Данилин предоставил домик, тоже имел свои вопросы. Но кто видел папку целиком, мне неизвестно.

— Только эти пятеро могли прийти к нему?

— Нет. По дорожкам люди ходили весь день.

Белова записала ответ.

— Их контакты будем проверять прежде всего. Но список знакомых — не ограда.

Аркадий вспомнил утренний путь мимо смородины. До гостевого домика нельзя было доехать через сад, зато пешком никакого особого препятствия не было. Калитка у пожарного проезда оставалась открытой. Камера главных ворот не могла проводить человека по внутренним улицам.

— Дверь ведь тоже могла быть открыта, — сказал он.

— Летом и хозяин участка не всегда знает, когда гость её запирает. Отсутствие взлома не значит, что нам уже известен

круг тех, кого впустили.

Она ответила на звонок и отошла к машине.

Аркадий вернулся в сад. Вера попросила перед уходом забрать коробку с зажимами, чтобы не оставлять её под навесом.

Стулья уже стояли один на другом. У пустого стола сидела Римма, прижав сумку коленями. Вера была у дорожки, возле неё — Надежда.

Аркадий взял коробку, проверил крышку и только тогда услышал своё имя.

— Аркадий Сергеевич, вы знаете, кому теперь говорить о личных бумагах? — спросила Надежда.

— Ирине Олеговне. Можно через сотрудника, который записывал ваши сведения.

— Я сказала, что у него были документы об отце. Но меня спрашивали, когда я приходила и куда потом пошла.

— Состав бумаг тоже будут устанавливать.

— Мне нужно, чтобы их не раздавали здесь всем.

Вера сняла очки.

— Здесь никто их сейчас не раздаёт.

— Понимаю. Просто утром он говорил об одном, потом оказалось, что ещё будут смотреть другие люди.

Надежда держала сумку на плече, не пытаясь сесть.

— Вы сами видели бумаги? — спросил Аркадий.

— Несколько листов. Он не дал мне весь комплект. Сказал, что сначала надо закончить разговор.

— Содержание лучше не обсуждать между нами, — напомнила Вера. — Нас просили.

— Я не собираюсь обсуждать содержание. Я хочу заявить, что эти бумаги касаются моей семьи.

— Так и скажите Беловой, — ответил Аркадий. — И отдельно — какие листы видели сами.

Надежда поправила ремень сумки.

— Я была у него один раз. Потом зашла к Вере Андреевне. После этого в домик не возвращалась. Это я уже объяснила.

Аркадий слышал ровную, законченную фразу. Сам он не видел ни её прихода к Меркушеву, ни ухода от Веры.

— Мне ещё нужно предупредить дома, — сказала Надежда. — Здесь можно подождать, если позовут?

— Можно. Только лучше в тени, — ответила Вера. — Эта скамья всё ещё горячая.

Надежда поставила сумку на другую скамью и отошла позвонить. Аркадий с Верой понесли коробку к выходу из сада.

— Она от меня ушла около половины пятого, — сказала Вера. — Я думала, уже отправилась прочь.

— Половина пятого — по часам?

— Примерно шестнадцать тридцать две. Собиралась к вам со стульями и посмотрела на телефон, когда закрыла калитку. Не для неё смотрела — чтобы понять, насколько задержалась.

— Вы видели, куда она пошла?

Вера остановилась: край крышки зацепился за его рукав.

Освободила ткань, прежде чем ответить.

— До поворота. Дальше нет. Что она отправилась прочь — это я решила. Сотруднику сказала, где попрощались и сколько её ещё видела.

— Она говорила, что уходит с территории?

— При мне — нет. Поблагодарила за конверт и сказала, что ей надо ещё успеть. Куда — я не спросила.

Аркадий подумал, как легко слова «ушла от Веры» могли стать словами «ушла отсюда». Для первого имелись калитка, прощание, взгляд на телефон. Остальное прибавлялось незаметно.

— Вам ещё нужно туда? — спросила Вера, кивнув в сторону участка Данилина.

— Нет. В домик меня не звали.

— Я не про домик. Вообще.

Он понял её вопрос.

— Пока ждём. Потом домой.

— Я тоже.

Они постояли рядом. Из сада доносился голос Надежды, но слов было не разобрать. Аркадий хотел предложить Вере чаю. Потом взглянул на коробку в своих руках: предложит, и первым делом выложит рядом с чашками тетрадь.

— Коробку у меня оставим, — сказал он. — Завтра разберём.

— Завтра, — согласилась Вера.

***

Римма подошла к ним с папкой.

— Не знаете, машину уже можно вызывать? Меня спросили, где останусь. Адрес дала. Но вдруг ещё понадоблюсь.

— Уточните у сотрудника в правлении, — сказал Аркадий. — Я не могу вас отпустить.

— Да я понимаю. Просто не хочется потом у дороги стоять в темноте.

Она приоткрыла папку. Между фотографиями лежали чистые листы, приготовленные для подписей. На одном угол завернулся внутрь. Римма разгладила его ногтем и закрыла обложку.

— Из-за этой фотографии и пошли, — сказала она. — Там на обороте карандашом написано, я разобрать не могла. Думала, Геннадий вспомнит. Не хотела при всех время тратить.

— Вы с Виктором Ростиславовичем решили позвать его пораньше?

— Он подошёл, спросил, скоро ли начинаем. Я сказала: давайте сходим, пока все не собрались. Он ещё про песок рассказывал. Я не слушала толком. Потом всё вспоминать пришлось.

Голос оставался деловым, но руки не отпускали застёжку папки.

— Вы до этого всё время были у фотографий? — спросила Вера.

— Да нет, ходила. За сумкой, ещё по мелочам. Потом Надежду на общей дорожке встретила, поздоровались. Верну-

лась, мы снимки отобрали и понесли к столу. Потом опять раскладывали. Как тут сказать «всё время»?

— С Надеждой разговаривали? — уточнил Аркадий.

— Поздоровались. Она навстречу шла. Я спросила, не жарко ли ей. Сказала, что терпимо. И всё.

— Это было перед тем, как понесли фотографии?

— Да. Но сколько минут прошло — не знаю. Мы ведь сначала их выбирали. Одну не взяли, потому что подпись стёрлась. Потом всё равно взяли, чтобы спросить. — Римма показала папку. — Вот её.

— Вы были не одна?

— Нас трое снимками занималось. Я обеих назвала, телефоны дала. Сказали, поговорят отдельно.

— А о приветствии с Надеждой сообщили?

— Конечно. Спрашивали, кого видела. Я и сказала. Только времени не знаю. Часы тогда не смотрела.

Она выговорила это с некоторым облегчением: хотя бы отсутствие точного времени помнила твёрдо.

Аркадий не стал соединять её встречу с уходом от Веры. Пока было известно лишь место среди других действий Риммы: встретила, вернулась, отобрали снимки, понесли. Эта последовательность ещё не давала часа.

Римма уже собиралась идти, но остановилась.

— И ещё. Я ведь Геннадию фотографии не оставляла. Две показала днём, они у меня. Чтобы потом не искали.

— Вы видели, сколько у него было своих листов?

— На столе? Два, кажется. Изображение и текст. Но под ними ещё лежало. В папке отделения, там могло быть сколько угодно.

— Значит, полный состав не знаете.

— Не знаю. Могу сказать, что мне показали.

Из-за навеса вышел Семён. Он только что вернулся из правления и, услышав последние слова, остановился.

— Мне три показывал.

Римма повернулась к нему.

— Я не говорю, что всего два. Передо мной два лежали.

— А передо мной три. Я тоже не пересчитывал папку.

Аркадий поставил коробку на скамью.

— Вот поэтому пока не будем сводить это в один список. Каждый видел то, что Меркушев достал для него.

— Я так и объяснил, — сказал Семён. — Папку в руки мне не давал.

Он поправил фуражку и пошёл за оставленной у стола палкой. Римма направилась к правлению — спросить о машине.

***

Аркадий сел на край скамьи и достал тетрадь. Вера осталась у дорожки, дожидаясь, пока Надежда закончит разговор.

На странице он написал три коротких заголовка:

«Видел человека».

«Видел бумагу».

«Слышал обещание».

Одно имя могло появиться под каждым, но сведения от этого не становились одинаково надёжными.

Данилин видел живого гостя и неподписанную расписку. Поднос с хлебом, сыром и ножом принёс сам. Аркадий видел папку, но не мог назвать её состав. Римма помнила два показанных листа, Семён — три. Надежда сказала «несколько», не назвав числа.

Это ещё не было противоречием. Меркушев доставал бумаги поочерёдно, перекладывал, убирал обратно. В одном прозрачном отделении могли лежать несколько страниц. К тому же изображение чертежа и обещание предъявить северный лист вовсе не обязательно означали один и тот же предмет.

Расписку Аркадий вынес отдельно.

«По словам Данилина: напечатанный текст; место подписи пустое. Получатель неизвестен. Дальнейшая судьба не установлена».

Он не написал «пропала». Сам он этого листа не видел. Пока оставался вопрос, который требовал поиска и проверки, а не готовое название исчезнувшей улики.

Ниже отметил звонок, завершившийся в 16:42. Источник — запись в телефоне Данилина, показанная хозяином. Рядом оставил место для проверки кухонных часов и разговора с поставщиком.

Получалось, что последняя известная ему встреча с жи-

вым Меркушевым теперь относилась примерно к этому времени. Не его собственная встреча — рассказ Данилина. Человек сидел за столом, сдвинул неподписанную бумагу, освободил место для еды.

Аркадий поймал себя на том, что уже представляет комнату. Остановился. Утром он видел её без гостя, вечером не входил. Даже положение подноса в этой воображаемой картине было чужим, не его знанием.

На соседней странице он отметил два ухода: Надежды от Веры и Данилина к западному въезду. Напротив первого стояло: «Дальнейший путь не наблюдала». Напротив второго: «Водитель и помощник — контакты у сотрудников».

Семёна он записал по собственным наблюдениям, раздельно по занятиям: стол, простыня, стулья. Не провёл сплошную черту через весь промежуток. Риммину работу с фотографиями тоже нельзя было превратить в такую черту: она сама называла отлучки.

Страница получалась неудобной. Много места, мало определённости. Зато он видел, где кончалась память каждого.

Из правления вышла Белова и остановилась у края сада. Семён, возвращавшийся с палкой, пропустил её к скамье.

— Аркадий Сергеевич, вашу переписку получили. Если обнаружите ещё сообщения, сообщайте, от кого и когда получили. Не только картинку отдельно.

— Хорошо.

— И не просите соседей пересылать всё вам. Свои материалы пусть передают сотрудникам. Порядок связи я оставила.

— Я никого не собираю.

— Знаю. На всякий случай говорю.

Римме разрешили вызвать машину. Надежде сообщили, что при необходимости с ней свяжутся по оставленному номеру. Люди начали расходиться не сразу: поднимали сумки, снова ставили их, вспоминали то про очки, то про чужую куртку. Несостоявшаяся встреча никак не заканчивалась.

Белова задержалась, чтобы ответить Надежде. Аркадий слышал только вопрос о бумагах, касающихся отца, и просьбу перечислить их в отдельном обращении. Дальше они отошли. Он опустил глаза в тетрадь.

Семён подошёл к скамье.

— Ты домой?

— Собираюсь.

— У меня ещё страница пришла. Сегодня. После пяти.

Аркадий поднял голову.

Белова как раз возвращалась к дорожке и остановилась.

— От Меркушева?

Семён достал телефон.

— Про него. Я говорил, что сообщение есть, но целиком ещё не показал.

— Тогда покажите сейчас. Вместе с перепиской, в которой получили.

Он нажал на боковую кнопку. В стекле отразились яблоневые ветки.

— Тут открыть надо. Не хочу, чтобы все через плечо читали.

— Пойдёмте в правление, — сказала Белова.

Аркадий вспомнил короткую вибрацию телефона, стул в руках Семёна, собственный ответ Орловой в 17:12. Тогда ни он, ни Вера не заглянули на экран.

— После пяти получили вы? — спросил он.

— Я.

Аркадий закрыл тетрадь. Если пришедшую страницу приняли за только что отправленную Меркушевым, отметки после 16:42 придётся пересмотреть. Но пока было известно лишь время получения Семёном — да и оно ещё со слов.

Семён поднял со скамьи коробку с зажимами и передал Аркадию. Потом пошёл за Беловой, держа телефон экраном к себе.

Глава 5. Подпись без поля

Зажимы пересыпались в коробке каждый раз, когда Аркадий менял руку.

Он поставил её на скамью у правления. Крышка выгнулась от неправильно уложенного картона; один угол не хотел входить в паз. Аркадий вынул верхнюю полоску, повернул и закрыл коробку. Из открытого окна доносился голос Беловой, но слов было не разобрать.

В саду погасили свет под навесом. Между яблонями ещё виднелся прямоугольник стола. Кто-то забыл на спинке стула полотняную сумку. Аркадий хотел сходить за ней, но дверь правления открылась.

Семён вышел с телефоном в руке. Фуражку он держал под мышкой.

— Показал, — сказал он. — Сотрудник ещё будет смотреть. Просили ничего не убирать.

— Вы домой?

— Сейчас. Ты сядь.

Аркадий подвинул коробку к краю скамьи. Семён сел рядом, положил палку вдоль ног и открыл переписку. Телефон светил слишком ярко; он убавил яркость.

— Вот. Только не начинай сразу всем звонить.

— Я сначала прочту.

Вверху стояло имя Эдуарда Матвеевича Рябинина. Ниже

— короткая фраза: «Геннадий прислал». Следом изображение страницы. У сообщения была отметка 17:12.

Аркадий не стал сразу раскрывать картинку.

— Это от Рябинина.

— Я вижу.

— Геннадий вам сам такое отправлял?

— Нет. Эдуард прислал. Я Ирине Олеговне так и сказал.

— Когда вы прочли?

Семён посмотрел в сторону сада.

— Уже после. Когда стулья убрали. Телефон днём почувствовал, а смотреть не стал.

Аркадий помнил этот короткий звук. Семён и Вера несли стул, каждый за свою сторону, хотя одному было бы проще. Тогда ещё спорили, ставить ли лишние стулья под яблоню или оставить возле навеса.

На экране было семнадцать двенадцать. Стул, вибрация и цифры теперь сошлись — но отметка относилась к сообщению Рябинина. Когда тот получил страницу, здесь не было видно.

— Открывайте.

В верхней части страницы тянулись тонкие линии чертежа, обрывавшиеся у правого края. Несколько цифр срезало наполовину. Ниже помещался машинописный текст, ещё ниже — подпись и фамилия: «П. А. Левин».

Аркадий потянулся увеличить изображение. Семён отпустил телефон не сразу.

— Можно?

— Держи.

Бумага казалась серой, с тёмной полосой поперёк. Аркадий не мог понять, фотографировали ли лист, снимали экран или собрали страницу каким-то другим способом. Над техническим фрагментом стояло: «К материалам по северному участку».

Один из абзацев начинался словами: «Факт присвоения части материалов для личного использования признаю». Следом шло: «Претензий к принятому решению не имею».

Ниже читалось про увольнение и прекращение участия в делах товарищества. Последняя строка уходила под край: «Из дальнейших списков…»

Аркадий сдвинул страницу вверх, надеясь увидеть продолжение, но сдвинулась вся картинка. За обрезанным краем ничего не было.

— Где заголовок самого документа?

— Там всё, что прислал.

— А дата?

— Не ищи. Я тоже искал.

Росчерк начинался с тесного узла, затем поднимался и уходил длинной чертой вправо. Возле него оставался короткий прямой штрих — то ли край рамки, то ли дефект изображения. Названия должности, номера листа, пояснения, под чем ставилась подпись, Аркадий не нашёл.

— Подпись вам знакома?

— Его, — сказал Семён.

Ответ был быстрым, без той неохоты, с которой он до сих пор говорил о странице.

— Вы видели, как он подписывал?

— Сколько раз. Табели, замеры, ведомости. Он «Л» так начинал, с петли. И потом всё в одну линию. Павел не вырисовывал.

— А этот лист прежде видели?

— Нет.

— Текст?

Семён выдернул фуражку из-под мышки и положил на колено.

— Текст этот — дрянь.

Аркадий подождал.

— Что именно неверно?

— Не разносите его фамилию. Довольно уже.

— Семён Ильич, я вам задал другой вопрос.

— А я тебе отвечаю. Геннадия теперь нет, а всё это опять пойдёт гулять. У Павла дочь здесь. Ей мало?

Из правления вышел сотрудник, остановился на крыльце и заговорил по телефону. Семён замолчал. Скамья находилась в стороне от двери, за кустом сирени, но ему и этого расстояния, видимо, было недостаточно.

Аркадий вернул телефон.

— Я не буду публиковать. Но если здесь неверный текст, нужно установить, откуда он взялся. Одного запрета мало.

— Ты сначала установи, а потом говори.

— Для этого и спрашиваю вас.

Семён провёл большим пальцем по краю фуражки. На ткани осталась светлая полоска пыли.

— Не сейчас.

Аркадий посмотрел на окно правления. О сегодняшнем дне их расспрашивали по отдельности; каждый сообщил то, что мог. Теперь на экране лежало нечто, выглядевшее гораздо старше нынешнего дня. Но даже возраст этой страницы ещё предстояло установить.

— Рябинин показывал вам, как получил изображение?

— Нет.

— Его переписку с Геннадием вы видели?

— Нет же.

— Я спрошу только об источнике.

Семён пожал плечами.

Рябинин ответил не сразу. На заднем плане звякнула посуда.

— Эдуард Матвеевич, это Лунёв. Семён Ильич показал вашу страницу. Сообщение в семнадцать двенадцать, «Геннадий прислал».

— Да. Он её получил?

— Получил. А вы когда получили изображение от Меркушева?

— Сегодня.

— Во сколько?

На том конце что-то отодвинули по столу.

— Аркадий Сергеевич, я весь день с телефоном. Сейчас не назову.

— Можно посмотреть в разговоре.

— Я сотрудникам покажу. Мне уже сказали сохранить.

Голос оставался ровным, но слова стали отчётливее.

— Хорошо. Всю переписку мне пересылать не нужно. Уточняю вашу фразу: Геннадий прислал непосредственно перед тем, как вы отправили Семёну?

— Я написал, от кого получил. От Геннадия. Время там у меня есть.

— Здесь его нет.

— Здесь время, когда отправил я.

Аркадий не стал задавать тот же вопрос ещё раз.

— И дорожный материал, который вы днём показывали. Файл сохранился?

— Сохранился.

— Можете прислать ту страницу? С пояснением, откуда она у вас.

— Это не полный комплект, — предупредил Рябинин. — Не надо потом говорить, будто я предъявил весь документ.

— Так и отмечу.

Закончив разговор, Аркадий убрал телефон.

— Ну? — спросил Семён.

— Получил сегодня. Час не назвал. Исходную переписку обещал показать сотрудникам.

— А ты ему не веришь?

— Он сказал, что время у него есть. Когда покажет, будет что проверять.

Семён отвернулся. После долгого дня даже простой вопрос требовал от людей больше сил, чем у них оставалось. Аркадий тоже предпочёл бы сейчас получить один короткий ответ и пойти домой. Именно поэтому короткие ответы следовало слушать внимательнее.

В правлении заскрежетал стул, затем послышалось негромкое: «Да что ж ты». Галина вышла с планшетом и связкой ключей от шкафа.

— Аркадий Сергеевич, вы ещё здесь. Я вас как раз искала.

Увидев Семёна, она остановилась.

— Вы страницу уже читали?

Он накрыл телефон фуражкой.

— Читали.

— Тогда посмотрите, что из неё получается.

— Где?

— В нашей переписке по встрече. Не в общем чате.

Аркадий почувствовал, как усталость поднимается от плеч к затылку.

— Кто отправил?

— Эдуард Матвеевич. Саму страницу, потом снимок своего сообщения Семёну. Там уже обсуждают, что после пяти Геннадий был жив.

Семён поднялся.

— Вот поэтому и нечего было слать.

Галина прижала планшет к груди.

— Я не слала. Я сейчас вам показываю.

— Давайте посмотрим, — сказал Аркадий.

Она предложила зайти в маленькую комнату правления. Белова с сотрудником работали в другой, дверь туда была закрыта. Галина поставила планшет на стол возле пустого подноса. Семён остался у окна.

В комнате стояли коробки с фотографиями. На одной лежал лист «Подписи уточнить». Днём Аркадий думал, что к вечеру неизвестных фамилий станет меньше.

— Вот от первого сообщения с картинкой, — сказала Галина. — Читайте сами.

Переписку создали для подготовки встречи: договориться о столах, собрать снимки, уточнить подписи. Рябинин приложил страницу со словами: «Материал, полученный от Геннадия». Чуть ниже появился снимок его сообщения Семёну.

Первый ответ был вопросом: «В 17:12 он ещё отправлял?»

Следом: «Выходит, да. А нашли в 17:24».

Ещё через несколько строк: «Тогда между сообщением и тем, как вошли, совсем мало времени».

Никто не написал, что лично видел Меркушева после пяти. Но в следующей реплике он уже «работал с бумагами в домике».

Аркадий попросил остановиться.

— Здесь отправитель Рябинин. А под «он» уже понимают

Геннадия.

— Я поняла. Дальше посмотрите.

Обсуждение времени занимало меньше места, чем фамилия Левина.

«А что значит “из дальнейших списков”?»

«Его потом и на общих снимках нет».

«Я фамилию не помню. В юбилейном альбоме такого не было».

Альбом Аркадий знал: несколько листов с фотографиями, подписи к которым собирали по памяти. Отсутствие фамилии в нём ничего не объясняло. Однако ниже стояло: «После увольнения больше здесь не появлялся».

Следующий участник написал: «То есть после спора о саде?»

Ему ответили: «Похоже. Тут и материалы, и прекращение участия».

Чуть дальше спросили: «Вообще пропал?»

Ответ пришёл через несколько минут: «Теперь понятно, почему об этом столько лет молчали. Сад сохранили, а человек исчез».

Галина положила ладонь на край планшета.

— Последнее написали, пока я относила коробки. Я думала, здесь всё ещё про фотографии.

Семён отошёл от окна.

— Чего им понятно?

Он произнёс это негромко.

— Пока ничего, — сказала Галина. — Я хочу ответить.

— Так ответьте, чтобы не сочиняли.

— Что именно мне написать про Павла Андреевича?

Семён посмотрел на неё, потом на Аркадия.

— Что они ничего не знают.

— Это я могу написать. Но они ответят, что знают по документу.

Аркадий видел, как Семён сжимает край фуражки. Его возмущение было понятным. Менее понятно было, почему он не возражает по существу, хотя сам только что назвал текст дрянью.

Аркадий вернулся к экрану.

— Вначале спрашивали, что означает оборванная строка. Теперь утверждают, что человек исчез. Нового источника между этими сообщениями нет.

— Кроме альбома, — сказала Галина.

— Кроме того, что фамилию не нашли в альбоме.

— Хорошо. Я отвечу к исходной странице.

Она начала печатать. Аркадий прочёл первые слова: «Уважаемые участники, в связи с распространением…»

— Можно проще?

Галина остановилась.

— Можно. Когда злюсь, у меня почему-то получается извещение.

Она стёрла начало и набрала:

«Важное уточнение к странице и обсуждению выше. На

снимке время 17:12 относится к сообщению Рябинина, а не к подтверждённому сообщению Меркушева. Когда Рябинин получил файл, здесь не указано. Происхождение страницы и её полный текст пока не установлены. Утверждение об исчезновении Павла Левина источником не подтверждено».

Она подняла голову.

— Дальше попрошу не отправлять как установленную историю?

— Да. И сохранить полученное вместе с сообщениями: кто прислал, когда, с какими словами.

Семён сделал шаг к столу.

— Саму картинку убрать надо.

Галина не сразу ответила.

— Тогда останутся слова про исчезновение. А к чему они относятся, никто уже не увидит.

— Пусть и слова уберут.

— Люди могли скопировать. Я не могу забрать чужие копии.

Аркадий положил ручку поперёк тетради.

— Не удаляйте исходную цепочку. Иначе завтра начнём выяснять, кто что помнит.

Семён посмотрел на закрытую дверь соседней комнаты и отступил от стола.

Галина отправила уточнение ответом на сообщение с изображением, затем закрепила его. Двое участников уже написали, что переслали страницу знакомым; она обрати-

лась к каждому с просьбой передать туда же оговорку и сохранить сведения об источнике.

На экране возник ответ: «Так он исчез или нет?»

Галина повернула планшет к Аркадию.

Он не знал.

Это незнание сейчас раздражало сильнее, чем отсутствие северного листа. Документ мог ждать проверки в папке. Рассказ о человеке уже обзавёлся причиной, местом и виновниками. Для этого хватило нескольких оборванных строк и пробела в подписях к фотографиям.

— Напишите, что сведений для ответа у нас пока нет, — сказал он.

Семён резко повернулся от окна, но промолчал.

***

Рябинин прислал дорожную страницу, когда Галина закрывала шкаф с фотографиями.

Сопроводительное сообщение было коротким: «Получено от Г. Н. Меркушева в составе предварительных материалов. Не оригинал. Не полный комплект».

Аркадий прочёл его вслух. Семён остался в комнате, хотя уже дважды собирался уходить.

Над чертежом стояло: «Существовавший северный коридор. Основание для восстановления». Подписи Левина под обвинительным текстом здесь не было. Внизу помещалось пояснение о связи старого прохода с будущим дорожным решением.

Аркадий увеличил технический фрагмент.

Справа край пересекал цифру. В верхней части было серое раздвоенное пятно, похожее на след залома. Оно попалось ему на глаза ещё на телефоне Семёна, но тогда взгляд ушёл к словам о присвоении.

— Семён Ильич, откройте ещё раз.

Тот положил телефон рядом.

Экраны светили по-разному. На одном бумага казалась желтоватой, на другом почти белой. Аркадий уменьшил дорожную страницу, пока видимая часть чертежа не стала примерно того же размера.

Пятно оказалось на том же месте. Правый край пересекал ту же цифру. Нижний угол сетки обрывался одинаково, оставляя короткие штрихи.

Галина наклонилась.

— Один чертёж.

— Похоже на один и тот же обрезанный снимок, — сказал Аркадий.

— А подписали по-разному.

Семён смотрел на оба экрана.

— Значит, и то и другое нарисовано?

— Этого я не знаю.

— Но одинаковое же.

— Обрезка и пятно совпадают. Что было на полном листе, мы не видели.

Аркадий помнил дорожный материал, который показывал

Рябинин, и обещания, с которыми ждали Меркушева. Рябинину требовалось основание для переговоров о дороге, Семёну — довод в пользу сада. Надежда хотела получить бумаги об отце. До вечера Аркадий представлял себе папку, из которой не дали вынуть нужный лист. Теперь следовало выяснять, какие именно листы показывали каждому и почему.

— Распечатать? — спросила Галина. — Здесь на двух экранах глаз сломаешь.

— Две страницы. И сообщения к ним отдельно. Только для работы.

Принтер долго просыпался, прогнал пустой лист и выдал изображение боком. Галина молча поправила настройку. Семён, обычно не упускавший случая заметить, что руками было бы быстрее, ничего не сказал.

На распечатках пятно и обрезанная цифра стали видны без увеличения. Аркадий прикрыл подпись и текст чистым листом, оставив техническую часть.

— Что ты закрыл? — спросил Семён.

— Хочу сравнить изображение, не читая каждый раз обвинение.

Семён сел.

Аркадий отметил карандашом на полях, какие места сравнивал. Не обводил чертёж и не пытался дорисовать отсутствующее. Затем записал, от кого получил дорожную страницу. У первой указал: сообщение Рябинина Семёну, 17:12.

Дверь соседней комнаты открылась. Белова вышла с пап-

кой и остановилась возле стола.

— Что добавилось?

— Семён Ильич показал мне сообщение, которое передал вам, — сказал Аркадий. — Копия уже обсуждается в переписке по подготовке встречи. Галина Львовна сохранила цепочку и поставила оговорку. А Рябинин по моей просьбе прислал дорожную страницу.

— Почему попросили?

— Хотел сравнить с тем, что видел днём. У двух изображений одинаково обрезан край и одинаковое пятно. Текст вокруг разный.

Он подвинул к ней телефон. Белова посмотрела страницу и сопроводительное сообщение.

— Перешлите мне в том виде, как получили. И отметьте, на что обратили внимание. Исходные файлы у отправителей получим отдельно.

Аркадий выполнил просьбу. Галина открыла начало обсуждения на планшете и предложила сохранить нужную цепочку.

— Да, вместе с уточнением, — сказала Белова. — Личные разговоры участников за пределами этого обсуждения не нужны.

— И ещё три обстоятельства отдельно, — сказал Аркадий. — Семнадцать двенадцать — сообщение Рябинина. Когда сам Рябинин получил файл, мне не сказал: только «сегодня». Семён Ильич узнаёт подпись Левина, но лист прежде

не видел и с текстом не согласен.

— Первое сообщение Круглов мне уже показал. Остальное уточним.

— В переписке семнадцать двенадцать считают временем, когда Геннадий был жив.

— По пересылке этого установить нельзя. Нужен исходный обмен на устройствах участников.

Семён поднял голову.

— То есть после пяти он мог уже…

— Мы сейчас не устанавливаем время смерти, — прервала Белова. — Ни по пересылке, ни по отсутствию другого сообщения.

Она сказала это без нажима. Аркадий закрыл тетрадь: пока к записи о живой встрече Данилина нечего было добавлять, кроме непроверенного предположения соседей.

Белова прочла оговорку Галины.

— Исходную публикацию сохраните. Если получатели сообщат о дальнейших пересылках, запишите, кому передали. Не нужно собирать все их разговоры.

— Уже отвечают, — сказала Галина.

Семён всё ещё смотрел на подпись.

— А если это его рука?

— Тогда нужно установить, что он подписывал, — ответила Белова. — Узнавание подписи не подтверждает текст на изображении.

Она попросила Семёна на минуту задержаться у двери и

что-то уточнила негромко. Аркадий не прислушивался. Сложил распечатки в папку, забрал со скамьи коробку с зажимами.

Галина погасила свет над столом. В окне отражались экран планшета и её лицо.

— Я ещё немного здесь. Отвечают, куда переслали. Потом закрою.

— Не до утра, — сказал Аркадий.

— До утра не стану. Но это сообщение надо закончить.

Он не возразил.

***

На улице воздух наконец остыл. Дорога оставалась тёплой; от неё пахло пылью, а от цветника у правления — мокрой землёй.

Они с Семёном дошли до поворота молча. В одном из домов работал телевизор, за забором шумела вода. Обычный вечер продолжался рядом с тем, что случилось у Данилина.

Семён остановился возле фонаря.

— Ты всё-таки думаешь, Геннадия из-за этих бумаг?

— Я не знаю.

— Все теперь так будут думать.

— Он приехал с бумагами, разговаривал о них с людьми. Это нужно проверить. Но пока мы даже не знаем, что именно у него было.

Семён качнул головой.

— У него всегда было то, что человеку хотелось услышать.

Аркадий поставил коробку на низкую бетонную тумбу.

— Вы давно это знали?

— Хватало времени узнать.

— А про Павла Левина?

Семён переставил палку.

— Опять?

— Да.

По улице проехал велосипедист. Им пришлось отступить. Аркадий дождался, пока звон цепи удалится.

— Вы слышали, что люди написали. Человек исчез после спора о саде. Вы с этим согласны?

— Нет.

— Что вы знаете о его уходе?

— Не так всё было.

— А как?

— Аркадий, сегодня не надо.

Он почувствовал злость — быструю, почти удобную. Можно было потребовать немедленного ответа, сказать, что Надежда вправе услышать правду. Но о том, что известно самой Надежде, Аркадий её не спрашивал. И говорить от её имени ему никто не поручал.

— Вы можете не разговаривать со мной сейчас, — сказал он. — Но запретить соседям обсуждать фамилию не получится. Вы видели, как они заполняют то, чего не знают.

— Видел.

— И всё равно предлагаете только убрать картинку.

Семён провёл ладонью по лицу.

— А ты предлагаешь на дороге сорок лет выложить?

Впервые за вечер это прозвучало не как отпор. Аркадий помолчал, дав ему поправить фуражку, которую тот так и не надел.

— Мне для начала нужен один факт. Павел Левин действительно исчез?

— Нет. Не так, как они написали.

— Значит, вы знаете, что с ним тогда произошло.

Семён не ответил сразу. В доме за забором выключили телевизор; стало слышно, как вода переливается через край ведра.

— Завтра утром зайду, — сказал он. — К девяти. Расскажу без всех.

— А то, что относится к сегодняшнему делу, не должно ждать нашего разговора.

— Ирине Олеговне я сказал, что знал о сегодняшнем дне. И про эту бумагу тоже.

Аркадий кивнул.

— К девяти. Только начнём с Павла Андреевича, не с сада.

Семён посмотрел на него с прежним раздражением, но согласился.

У развилки они разошлись. Аркадий оглянулся один раз: Семён шёл медленно, держа фуражку в руке.

***

Дома Аркадий включил свет в прихожей и поставил коробку на скамью. Зажимы можно было разобрать завтра, как договорились с Верой. Крышка теперь держалась.

На кухне всё осталось после дневного обеда. Тарелка стояла в сушилке, хлебница была закрыта. У стены ждала размеченная доска для полки.

Аркадий машинально потянулся положить папку на стол, но прошёл с ней в пристройку.

Там пришлось включить отдельную лампу. Для двух распечаток рядом места не хватало. Он переставил коробку с конвертами на нижнюю полку, разложил страницы и снова увидел раздвоенное пятно. Час назад оно почти потерялось за словами о присвоении материалов.

В тетради оставались записи Данилина: поднос, напечатанная расписка без подписи, звонок до шестнадцати сорока двух. Рядом появились семнадцать двенадцать и имя Рябинина. Аркадий не соединил их линией. Между рассказом о живом человеке и передачей картинки такой связи пока не было.

Ниже он впервые отвёл отдельные строки двум задачам.

«Обстоятельства смерти Меркушева».

«Судьба Павла Левина после ухода».

Раньше имя Левина стояло среди вопросов к старым бумагам. Теперь этого было мало. Семён мог рассказать, что помнил, но рассказ тоже предстояло проверить — не ради удобной истории о саде и не ради её опровержения.

Аркадий ещё раз прочёл оборванную строку на распечатке. «Из дальнейших списков…» Продолжения не было. За вечер соседи успели дописать его несколько раз.

На завтра он отметил: «9:00 — Семён Ильич».

Потом выключил рабочую лампу и вернулся на кухню. Налил воды в чайник, достал хлеб. За столом можно было сесть, не отодвигая чужих бумаг, но покоя от этого не прибавилось.

Семён уже сказал, что всё было иначе. Утром ему предстояло рассказать ту часть истории, которую он всё это время знал.

Глава 6. Человек уехал

Семён пришёл без фуражки. В руке держал сложенный носовой платок и, пока Аркадий закрывал калитку, вытер им лоб.

— Уже припекает.

До девяти оставалось две минуты. На соседнем участке поливали огурцы; вода шуршала по широким листьям, и время от времени из-за забора доносился стук лейки о край бочки.

На кухне Семён остановился у доски, прислонённой к стене, провёл пальцем возле карандашной отметки.

— Здесь ещё край снять надо. Иначе чашкой заденешь.

— Сниму.

— Немного. Двух проходов хватит.

Рубанок лежал в сарае, и Аркадий не пошёл за ним. Отодвинул стул, убрал с подоконника полотенце. Семён всё ещё смотрел на будущую полку.

— Чай будете?

— Потом.

Он сел не на свой обычный стул у окна, а ближе к двери. Палку положил поперёк колен.

Аркадий сел напротив.

— Павел Левин уехал, — сказал Семён. — С женой и дочкой. В восемьдесят четвёртом году. Уволился и уехал. Здесь

он не пропадал.

Из-за забора снова донёсся стук лейки. Аркадий подождал, не последует ли что-нибудь ещё.

— Вы видели отъезд?

— Видел, как грузились. После того, как он окончательно расчёт получил. На следующий день или через день — тут уж не скажу.

— Куда грузились?

— Грузовик был. Чужой, не наш. Мебель, коробки. Жена стояла во дворе, держала свёрнутый ковёр. Девчонка рядом. Павел сказал, что жильё там первое время дадут от предприятия.

— Где — там?

Семён назвал город. Не Вересов и не соседний район — ехать далеко, с пересадкой.

— Вы их проводили?

— Нет. Мимо проходил.

— Говорили с ним?

— Поздоровался. Спросил, надолго ли. Он сказал: «Совсем».

Семён убрал платок в карман, тут же достал и расправил на колене.

— А после?

— После не видел.

— Письма, звонки?

— Нет.

— Значит, об увольнении знаете, сборы перед отъездом видели. О дальнейшей жизни — ничего достоверного.

— Да. Не поддерживали мы связь.

Аркадий встал, чтобы прикрыть окно: сосед включил насос, и слова приходилось произносить громче. Когда он вернулся, Семён смотрел уже не на полку, а на свободный стол.

— Увольнение было добровольным?

— Заявление сам написал.

— Я не о том, чьей рукой написано.

Семён провёл большим пальцем по потёртому набалдашнику.

— Предложили уйти.

— Кто?

— Начальство подразделения. Конфликт был. Решили закрыть без дальнейшего разбирательства. Человеку расчёт, бригада остаётся работать.

— Павел Андреевич хотел остаться?

— Хотел, чтобы с ним разобрались по правде.

Аркадий не торопился задавать следующий вопрос.

— Давили на него, — добавил Семён. — Не буду говорить, что нет. Но и делать вид, будто он ничего не решал, не надо. Он заявление подал. Вещи собрал. Новую работу нашёл.

— Это не одно и то же.

— Знаю я.

— Тогда почему вы говорите так, будто дело только в за-

явлении?

Семён отодвинул стул.

— Ты всё уже расположил?

— Нет. Пытаюсь понять ваши слова.

Насос за окном отключился. В наступившей тишине кухонные часы стали слишком слышны.

Вчера Семён мог сказать хотя бы про грузовик. Не называть начальников, не объяснять всю старую историю — только сообщить, что видел семью перед отъездом. Вместо этого они смотрели на чужие сообщения, в которых отсутствие фамилии в местных списках уже превратилось в исчезновение человека.

— Почему вы не сказали сразу? — спросил Аркадий.

— Не хотел туда лезть.

— Другие уже полезли.

— Знаю.

— Вы просили убрать фамилию. Но рассказ от этого никуда бы не делся.

Семён потёр ладонью колено.

— Мне стыдно было, Аркадий.

Сказал сердито, словно слово пришлось вытянуть из него вместе с чем-то ещё.

— Стоят люди, читают эту дрянь. Я Павла помню. Не подпись, не лист. Самого. А приходится объяснять, почему столько лет молчали. Вот и хотел, чтобы хоть вчера закончилось без этого.

— Не закончилось.

— Вижу.

На белой доске будущей полки осталась серая полоса от Семёнова пальца. Аркадий посмотрел на неё и отвёл взгляд.

— Об отъезде нужно сообщить Ирине Олеговне. Сейчас. И тем, кто получил картинку.

— Следователю сообщу.

— А остальным?

— У них что, есть право всё знать?

— Нет. Но вы можете сказать, что видели. Без публичного рассказа обо всём остальном.

Семён поднял глаза.

— Ты потом сам решишь, сколько этого остального им требуется?

— Нет.

Ответ вышел слишком быстрым. Аркадий помедлил.

— Я не собираюсь говорить за вас. Но вчерашнее нужно исправить сегодня.

Семён достал телефон, нашёл номер.

— Я выйду.

— Конечно.

Аркадий освободил проход. Семён вышел на крыльцо и прикрыл дверь. Через стекло было видно, как он слушает, чуть наклонив голову. Потом отошёл за край окна.

Аркадий остался на кухне. Наливая воду в чайник, он едва не переполнил его: смотрел не на носик кувшина, а на по-

лоску света под дверью. Хотелось услышать, теми ли словами Семён объясняет случившееся. Он поставил кувшин, вытер воду и занялся хлебом.

Семён вернулся минут через десять.

— Сказал, что видел перед отъездом. И что хочу дополнить про увольнение. Договорились, когда подъехать.

— Хорошо.

— Сейчас у неё другой разговор.

Аркадий поставил перед ним чашку.

— В переписку напишете сами?

— Напишу. Только коротко.

Семён набрал текст одним пальцем, прочёл молча, затем вслух:

— «Павел Андреевич Левин в 1984 году уволился и уехал с семьёй в другой город. Я видел их перед отъездом и разговаривал с ним. Рассказ, будто он бесследно исчез здесь после спора, не соответствует тому, что мне известно. Поздней судьбы семьи я не знаю».

Он поднял глаза.

— Так?

— Всё в этом можете подтвердить?

— Что видел — могу.

Семён отправил сообщение. Чай выпил почти сразу, не заметив, что горячо, потом встал.

— Я пойду.

— Вы не доели.

На тарелке лежала половина ломтика хлеба.

— Не хочется.

У двери он снова взглянул на полку, но о доске больше ничего не сказал.

***

Надежде Аркадий позвонил после десяти.

— В подготовительной переписке появились утверждения, будто ваш отец исчез после ухода с работы, — сказал он. — Семён Ильич сегодня сообщил, что видел вашу семью перед отъездом. Я хотел спросить, что вы разрешите передать людям от своего имени.

В трубке помолчали.

— Исчез?

— Да.

— Это теперь так называется?

Аркадий не нашёл ответа.

— Я буду у Веры Андреевны, — сказала Надежда. — Мы собирались уточнить подпись к фотографии. В половине двенадцатого сможете подойти?

— Смогу.

— Тогда там. У Данилина я встречаться не хочу.

— Я и не предлагал.

— Знаю. Просто говорю заранее.

Перед выходом Аркадий взял коробку с зажимами. Они с Верой собирались разобрать её сегодня; забыть об этом из-за нового разговора было легко. В пристройку он заглянул за

тетрадью. Две вчерашние распечатки оставил под лампой.

На улице пахло нагретым штакетником. По канаве шла вода от чьего-то полива, задерживаясь на комках земли. Возле правления стоял велосипед, закрывавший половину объявления. Люди здоровались, спрашивали про воду, двигались дальше. Вчерашнюю смерть при Аркадии никто не обсуждал, но от этого день не становился обычным.

У Веры на веранде было прохладнее. На столе она расстелила старую наволочку.

— Сюда высыпайте. Мелкие не укатятся.

Среди зажимов оказались две бельевые прищепки, короткий кусок шпагата и колпачок от ручки.

— Это тоже крепёж? — спросил Аркадий.

— Это то, что оказалось на столе. Разберём.

Надежда сидела у открытого окна. Рядом лежала застёгнутая сумка. Когда Аркадий поздоровался, она пододвинулась, хотя места ему хватало.

Вера поставила воду.

— Я пока унесу книги под навес. Зовите, если понадоблюсь.

Дверь она оставила открытой. На дорожке поскрипывала тачка с двумя пакетами книг для обмена.

Надежда дождалась, пока Вера отойдёт.

— Отец умер семь лет назад, — сказала она. — После переезда работал на другом предприятии, потом вышел на пенсию. Я знаю, где он жил и где похоронен. Не понимаю,

почему никому не пришло в голову сначала спросить меня.

— Мне следовало спросить раньше.

— Вы вчера хотя бы не рассказывали мне, что с ним случилось.

Она достала из сумки тонкий конверт. Аркадий не потянулся к нему. Надежда вынула фотографию и положила между ними.

На цветном, немного выцветшем снимке мужчина стоял у раскрытого багажника. На плече у него сидела маленькая девочка в вязаной шапке, хотя вокруг уже зеленела трава. Мужчина одной рукой придерживал её колено, другой показывал фотографу что-то в стороне.

— Это отец с моей дочерью. Ей здесь три года. Давно после нашего отъезда отсюда.

У мужчины были тяжёлые веки, широкое лицо и складка возле рта, похожая на Надеждину.

— Можно перевернуть?

Она кивнула.

На обороте синими чернилами были написаны год и два имени. Обычная семейная отметка для тех, кто и так знал, где это снято.

Аркадий вернул снимок лицом вверх.

— Для людей этого достаточно? — спросила Надежда.

— Чтобы прекратить рассказ об исчезновении, уже есть ваши слова и сообщение Семёна Ильича. Для документированной справки нужно проверить сведения.

— То есть фотография не годится?

— Годится как семейная фотография. Но я не могу по надписи на обороте проверить её дату.

— Я и не выдавала её за архивный акт.

— Понимаю.

— Не уверена. Вчера все только и спрашивали, есть ли бумага.

Она убрала ладонь со снимка, но в конверт его не спрятала.

— Трудовая книжка сохранилась. Письма. Свидетельство о смерти. Есть сведения о приёме на новую работу. Предприятие теперь иначе называется, отдел кадров переехал. Это придётся выяснять.

— Можно начать с названия из трудовой книжки.

— Можно. Только я не держу всё наготове, чтобы доказывать, что отец жил.

Аркадий закрыл тетрадь, которую успел раскрыть на чистой странице.

Надежда посмотрела на него и достала небольшую папку с прозрачными карманами. Из одного вынула трудовую книжку, раскрыла на заложенном листке.

— Вот. Здесь увольнение. Следующая запись — уже другой город.

Она пододвинула книжку так, чтобы он мог прочесть, придерживая пальцем нижний край. Аркадий увидел год, название предприятия, запись о приёме и печать. Строки были за-

полнены разными чернилами. Сверять их ему было не с чем.

— Название можно выписать?

— Да. И дату приёма.

Он записал только эти сведения. Надежда сама перевернула несколько страниц, показала более поздние записи и закрыла книжку. Затем вынула свидетельство о смерти. Имя и отчество совпадали; указанная дата относилась к тому году, о котором она сказала.

Аркадий не стал переписывать номер документа.

— Этого хватит, чтобы начать проверку, — сказал он. — Не нужно сейчас доставать всё.

Из соседнего кармана выглядывали края старых конвертов. Надежда поправила их, убрала свидетельство и застегнула папку. За несколько минут он увидел две семейные бумаги, а не проверил всю биографию. Для запросов теперь были конкретные даты и название; ответов от предприятия ещё не было.

— Отец сюда не хотел приезжать, — сказала Надежда. — Не каждый день об этом думал, не сидел до старости с обидой на лице. Просто не хотел. А теперь получается, вся остальная его жизнь — подтверждение к вашему местному спору.

На веранде появилась Вера, взяла пустую кружку и снова вышла. Не спросила, как идёт разговор.

Аркадий посмотрел на мужчину у машины. На старом рабочем снимке, который Надежда показывала вчера, Павел

Левин стоял среди других людей. Здесь у него на плече сидел ребёнок и нетерпеливо тянул его за волосы.

— Вы вчера поправили подпись «Первые строители сада», — сказал Аркадий. — Что там было на самом деле?

— Рабочая фотография. На участке работ. Не сад они строили в тот день.

— А кто подписал?

— Не знаю. У нас она без подписи лежит. Отец ещё смеялся, когда мама называла её парадной.

— Почему?

— Рукавицы у всех чужие. Новые выдали, чтобы на снимке были приличные. Потом велели сдать. У отца своя пара в кармане торчала, вся в мазуте, но на фотографии не видно.

Надежда впервые слегка улыбнулась.

— Он говорил: «Парадные рукавицы. По случаю съёмки». Мама отвечала, что лучше бы ему парадную рубашку дали.

Аркадий вспомнил светлые пятна на чёрно-белом снимке. Он почти не обратил на них внимания.

— Эту подробность можно оставить к фотографии?

— Можно. Только не пишите, будто это доказывает, какой он был неподкупный. Он про рукавицы говорил.

— Так и останется. Про рукавицы.

Надежда провела пальцем по уголку цветного снимка.

— Упрямый был. Мог не разговаривать, если считал, что прав. Иногда и дома от этого радости было немного. Я не хочу, чтобы вместо одного придуманного человека сделали

другого.

Аркадий кивнул. До этого утра Левин был для него именем возле спорной подписи и причиной, по которой Семён переставал отвечать. Теперь он хотя бы мог представить, как этот человек возвращался с работы и снимал выданные для фотографии рукавицы.

К документам они вернулись без прежней поспешности.

— Оригиналы остаются у меня, — сказала Надежда. — Для вашей исторической проверки могу дать нужные копии. Не всю папку.

— Хорошо.

— Письма целиком копировать не дам. Там про мамину сестру, про деньги, про болезни. Если для даты нужен конверт или отдельная строка, обсудим. Но не вся пачка на общий стол.

— Не вся.

— И фотографии не для чата.

— Я не буду снимать.

Телефон оставался у него в кармане. Надежда отодвинула конверт от края стола.

— То, что понадобится следователю, передам ей сама. Не через рабочую группу.

— Разумеется.

— А вы что себе запишете?

Он повернул к ней тетрадь.

— Ваш рассказ. Какие документы вы показали. Название

предприятия и дату для запроса. Отдельно отмечу, что независимого ответа пока нет.

Надежда прочла записи.

— Хорошо. Только адресов родственников там не нужно.

— Их и нет.

После истории с Нининым архивом Аркадию было бы особенно трудно оправдать просьбу забрать всё «на время». Он знал, как быстро удобство общей работы становится доводом против хозяина вещей. Здесь нужные сведения помещались в несколько строк; остальное могло оставаться у Надежды.

За окном Вера попросила проходившую соседку придержать калитку. Та ответила, что спешит, но калитку придержала. Несколько секунд оба слушали скрип колеса по доскам.

Потом Надежда сказала:

— С Меркушевым это было не первый раз.

Аркадий поднял голову.

— Что именно?

— Он предлагал больше не распространять бумаги про отца. За деньги.

Она произнесла это ровно, не понижая голоса.

— Раньше? — уточнил Аркадий.

— Да. И раньше тоже.

До сих пор ему были известны разные обещания, закрытая папка, отказ показать весь комплект. Теперь у одного из

обещаний появилось определённое условие.

— Подтверждения сохранились?

— Переписка сохранилась.

— Вы говорили Ирине Олеговне?

— Вчера сказала, что у нас были денежные вопросы. Подробно ещё не передавала.

— Тогда сообщите, что именно он предлагал. А переписку покажите ей непосредственно.

Надежда сдвинула снимок в конверт.

— Я собираюсь. Только мне нужно всё найти, а не рассказывать по памяти, потом вспоминать другое и выглядеть так, будто меняю историю.

— Можно отделить то, что помните сейчас, от того, что позже найдёте.

— Вы хотите знать, сколько?

Аркадий почувствовал, как легко было бы сказать «да». Сумму хотелось бы немедленно записать рядом с фамилией, хотя проверить её он всё равно не мог.

— Следствию это нужно знать. Мне — не обязательно.

Надежда закрыла конверт.

— Я не приехала искать отца. И получать здесь землю за него не собиралась.

— Я вас об этом не спрашивал.

— Зато ещё спросят.

Она встала, подошла к окну.

— Теперь скажут: раз я злилась на Меркушева, всё осталь-

ное ясно.

Аркадий не стал обещать, что никто такого не скажет.

— Денежный конфликт нужно проверить. Сам по себе он не отвечает на вопрос, кто его убил.

Надежда повернулась.

— А старый лист?

— Тоже не отвечает.

Она постояла у окна, затем вернулась и убрала папку в сумку.

— Про отца напишите. Что уехал, работал, умер семь лет назад. От моего имени можно. Город, адрес, имена дочери и внучки не нужны.

— Попрошу Галину связать уточнение со вчерашним обсуждением. Текст сначала покажем вам.

— Только не называйте его «благополучно устроившимся». У него по-разному было.

Когда Вера вернулась, Надежда сверила с ней номер Беловой и позвонила сама. Для разговора отошла к дальнему концу веранды.

Аркадий принялся отделять зажимы с целыми пружинами от тех, которые раскрывались и уже не сходились. Голос Надежды был слышен, слов он не разбирал.

— Вот эти можно оставить? — тихо спросил он Веру, показывая прищепки.

— Оставьте. Для фотографий они хуже, для простыни лучше.

Она подвинула ему вторую коробку. Работы было минут на пятнадцать. Они закончили её, пока Надежда разговаривала.

***

Галина встретила предложение о новом уточнении без возражений, но показала Аркадию экран.

— Семён Ильич уже написал. В ответ спрашивают, почему молчал.

— Это отдельный вопрос.

— Для вас отдельный. А здесь одной строкой.

Она увеличила шрифт. Под Семёновым сообщением стояло: «Если уехал, отчего раньше никто не говорил?» Следом другой участник написал: «Значит, с ним всё было нормально?»

— Вот это тоже надо поправить, — сказал Аркадий.

— Тогда у нас под каждым ответом будет ещё один ответ.

— Пока путают — будет.

Галина сняла очки и потёрла переносицу.

Они сидели в правлении у открытого окна. На столе лежали заявки на замену водопроводных труб. Орлова ненадолго ушла, оставив записку с просьбой ничего не класть поверх сметы. Галина сдвинула её к окну, под тяжёлую стеклянную пепельницу, давно служившую прессом для бумаг.

— Я вчера думала, достаточно написать «не подтверждено».

— Вчера у вас не было этих сведений.

— Давайте текст.

Аркадий прочёл согласованные с Надеждой строки. Галина набрала, остановилась перед словом «подтверждает».

— Лучше «Надежда Павловна Левина сообщила»? Документы ведь ещё не проверены.

— Да. Я видел книжку и свидетельство. Это нужно записать для работы, а не выдавать за законченную проверку.

Получилось:

«Уточнение к вчерашней странице и обсуждению. Семён Ильич Круглов сообщил, что лично видел Павла Андреевича Левина перед отъездом с семьёй в 1984 году. Дочь Павла Андреевича, Надежда Павловна Левина, сообщила, что после переезда он работал на другом предприятии и умер семь лет назад. Семья располагает документами дальнейшей жизни; необходимые сведения будут проверены. Оснований писать о бесследном исчезновении нет. Обстоятельства увольнения и обвинения на распространяемой странице этим уточнением не установлены».

Галина отправила текст Надежде. Ответ пришёл, пока они искали исходную публикацию: «Так можно».

— Отдельным сообщением потеряется, — сказала Галина. — Дам ответом на ту картинку. Вчерашнюю оговорку дополню ссылкой сюда. И тем двоим отправлю, которые дальше пересылали.

Она сделала это при Аркадии. Исходная страница осталась на месте, но рядом с ней теперь было заметное уточне-

ние, а не только предупреждение о непроверенности.

— Кто-то всё равно прочтёт старое, — сказала Галина.

— Тогда будет что переслать вслед.

Почти сразу пришёл вопрос: «А фото документов можно?»

Галина посмотрела на Аркадия.

— Нет, — сказал он.

— Я понимаю. Думаю, как ответить, чтобы не началось «от нас скрывают».

Она набрала: «Семейные документы и личные письма в обсуждение не выкладываем. После проверки сообщим относящиеся к вопросу сведения в согласованном с семьёй объёме».

— Так?

Аркадий кивнул.

— Вот что обидно, — сказала Галина. — Про исчезновение хватило трёх слов. Теперь полдня объясняем.

Она снова открыла список тех, кто пересылал страницу, и отправила уточнение ещё одному адресату, которого ей назвали утром.

Аркадий вышел из правления с тетрадью под мышкой. За этот день у старого слуха появились два возражающих ему человека и документы, которые можно было проверить. Но ни рассказ об отъезде, ни запись о другой работе не объясняли, на каком основании Левина когда-то обвинили. А сведения о прежнем денежном торге относились уже к отноше-

ниям Надежды с Меркушевым. В тетради для них требовалась отдельная страница.

***

К вечеру жара немного спала. Аркадий поел дома, вымыл посуду и всё-таки снял рубанком острый край будущей полки. Двух проходов, как обещал Семён, не хватило. На третьем лезвие зацепило волокно, пришлось остановиться и проверить направление.

Он убрал инструмент, не пытаясь во что бы то ни стало закончить доску. Позвонил Семёну.

— Можно зайти ненадолго?

— Заходи. Я дома.

Семён сидел под навесом за небольшим столом. Перед ним лежали очки, блокнот и раскрытый футляр от телефона. Он только что резал огурец; нож отодвинул, когда Аркадий сел.

— Надежда сказала, Павел умер семь лет назад, — начал Аркадий. — До этого работал в другом городе. Документы у неё есть. Показала трудовую книжку и свидетельство. Для проверки даст нужные сведения.

— Видел сообщение.

— Она разрешила сообщить не всё.

— Её право.

Семён взял кружку, но пить не стал.

— Дочка у неё уже взрослая, значит.

— Есть дочь. Больше я не спрашивал.

— Правильно.

По крыше навеса прокатилось сухое постукивание: птица перескочила по листу железа и вспорхнула. Семён проводил её взглядом.

— С Ириной Олеговной встретились? — спросил Аркадий.

— Да. Дополнение записали. Ты зачем пришёл?

Вопрос был не грубым, но прежнего приглашения посидеть в нём не было.

Аркадий положил тетрадь перед собой, не открывая.

— Утром мы говорили о том, куда делся человек. Вы знали, что он уехал. Меркушев тоже знал?

— Конечно.

— Тогда почему здесь осталось только обвинение?

Семён поправил очки, лежавшие дужками вверх.

— Потому что бумаги так составили.

— Бумаги кто-то читал.

— Начальство решало. Ты не представляешь, как тогда было.

— Я работал тогда. В другом месте, но работал.

— Значит, представляешь. Одно взыскание за другое цеплялось. План, премии, снабжение. У людей семьи.

— У Левина тоже.

Семён посмотрел на него.

— Ты думаешь, я забыл?

— Не знаю. Спрашиваю, почему никто не ответил на об-

винение. Потом, когда он уже уехал. Через год. Через десять.

— Потом всем было не до того.

Аркадий открыл тетрадь. Вчерашний вопрос о судьбе Павла Левина стоял вверху страницы. Ниже были записаны рассказы Семёна и Надежды, показанные документы и сведения для будущего запроса.

— Всем? — спросил он.

— Опять ты хочешь пофамильно.

— Пока хочу понять, кого вы имеете в виду.

Семён положил огуречный ломтик на хлеб, потом снял обратно.

— Тяжёлое было время. Геннадий умел написать так, что потом объясняйся сколько хочешь. Руководители подписывали. А люди дальше работали.

Аркадий ждал продолжения. Семён молчал.

Хотелось спросить прямо: что сделали вы? И сразу предложить порядок ответа — сначала о том, что знал, затем о том, что мог изменить. Аркадий уже подвинул карандаш, словно собирался помочь другу начать.

Потом убрал руку.

Семён сообщил об отъезде, написал в переписку, дополнил объяснение следователю. Это не снимало вопроса о его собственном участии. Но подсказать ему удобные слова сейчас было бы слишком легко.

Аркадий зачеркнул вчерашнее: «Куда исчез Левин?» Провёл одну черту, чтобы вопрос оставался виден.

Ниже написал: «Кто согласился оставить обвинение без ответа?»

Семён прочёл запись через стол. Наклонился немного ближе, словно плохо видел последнее слово.

Поправки он не предложил.

Глава 7. Три цены

Орлова сняла со стола стопку заявлений и обнаружила под ней мокрый круг.

— Кто ставил сюда ведро?

— Банку с цветами, — сказала Галина. — Вчера.

— Цветы куда делись?

— Забрали. Банка осталась.

Лидия Матвеевна вытерла стол и только после этого позволила Аркадию разложить папки.

— До двенадцати помещение ваше. Потом придут по воде. И я не хочу, чтобы к вечеру в чате появилось: «Правление рассмотрело исторические права».

Аркадий взял чистый лист и написал заголовок: «Материалы, предложенные Г. Н. Меркушевым. Сопоставление копий». Внизу поставил дату — четырнадцатое июля.

— Так?

Орлова прочла и кивнула.

Вера придвинула второй стул.

— И без рассказов о том, кто к нему когда ходил. Об этом каждого спрашивают отдельно.

Накануне Аркадий сообщил Беловой, что получатели готовы показать предложения. Она попросила сохранить не только картинки и напомнила: не восстанавливать сообща разговоры в гостевом домике. Перечень материалов мог по-

мочь проверке; согласованный за столом рассказ — повредить ей.

— Личные сообщения нам показывать необязательно, — сказал Аркадий. — Условия, суммы, всё, что относится к делу, можно передать непосредственно сотрудникам. Здесь сравним состав предложенного.

— А если без условий ничего не понятно? — спросил Рябинин.

Он пришёл без рулона с красивой дорогой. Тонкую папку держал между двумя картонками.

— Тогда отметим, что условия группе не предъявлены.

— Звучит почти как отказ от сотрудничества.

— Это будет означать только то, что написано, — сказала Вера. — Мы не собираемся читать ваши телефоны.

Рябинин кивнул, но папку не открыл.

Семён сидел у окна, положив фуражку на колени. После вчерашнего разговора они с Аркадием обменялись лишь приветствием. Римма Георгиевна устроилась возле шкафа, где тень держалась дольше. Она принесла очки в жёстком футляре и ничего больше.

Галина придерживала дверь ногой. На дороге скребла лопата: у одного из участков лопнул шланг, и воду отводили из колеи.

Надежда пришла, переступив тонкую струйку. Под мышкой у неё была папка, в руке — бутылка воды.

— Там два стула оставили на солнце, — сказала она. —

Если кто-нибудь ещё придёт, лучше сюда, к стене.

Она поставила бутылку возле Риммы.

— Вам налить?

— У меня есть, спасибо.

— Тогда оставлю. Может, кому понадобится.

Надежда села напротив Семёна. Галина закрыла дверь до половины.

— Начнём с предложения о саде, — сказал Аркадий. — Семён Ильич, оно у вас сохранилось?

Семён достал телефон.

— Только я ничего не покупал.

— Посмотрим, что вам предлагали.

— Я и говорю, чтоб потом не было.

Он открыл сообщение Меркушева и положил телефон перед Аркадием.

— Можно вслух?

— Здесь все про сад.

«У меня есть северный материал, о котором вы спрашивали. Особое назначение посадки подтверждается первоначальными бумагами. Если хотите защитить сад, это довод сильнее ваших нынешних возражений. Комплект покажу при встрече. Передача целиком, не по листам. Об условиях договоримся отдельно».

— И изображение было? — спросила Орлова.

Семён открыл вложение.

Аркадий узнал технический фрагмент: тонкие линии,

тёмная полоса у сгиба, оборванная сетка. Над ним было напечатано: «Материалы к подтверждению защитного назначения северной посадки».

Из пояснения внизу получалось, что посадку предусматривали как единое целое и её разделение противоречило первоначальному замыслу.

— Замыслу чего? — спросила Вера.

— Устройства территории, — ответил Семён.

— Это в тексте есть?

Он придвинул телефон, прочёл ещё раз.

— Нет. «Первоначальному замыслу». Дальше не написано.

Римма надела очки.

— Кто составил пояснение?

— Геннадий прислал.

— Это я поняла. Кто составил?

Семён помолчал.

— Не указано.

С его согласия вложение и сопровождающее сообщение отправили на рабочую почту. Галина помогла проверить адрес, не забирая телефон. Принтер в углу протянул лист и остановился.

— Бумаги добавьте, — сказала Орлова. — Только белой. На оборотах у нас заявления.

Пока Галина доставала пачку, Семён смотрел в окно.

— Мне нужно было, чтоб перестали говорить: яблони где

захотели, там и натыкали.

— Это можно проверить, — ответил Аркадий.

— Вот я и хотел проверить.

— Но здесь обещано, что комплект поможет защитить сад.

— А разве не может?

Аркадий замялся. Ему самому хотелось сказать: может, ещё как.

— Может оказаться полезным. Только здесь пока нет ни архивной ссылки, ни документа, который объяснял бы, на чём основан вывод.

Семён забрал распечатку и разгладил её ребром ладони. Место для ссылки внизу не было предусмотрено вовсе: пояснение уверенно заканчивалось последней точкой.

— Теперь дорожное, — сказал Аркадий.

Рябинин открыл папку.

— Сразу замечу: это не макет, который я показывал в саду. Макет мне передали для обсуждения. Здесь предварительные материалы Геннадия.

Он вынул два листа. На втором были изображение и пояснение. Широкой дороги с ровными яблонями здесь не рисовали, но текст называл проход старым транспортным коридором.

«Восстановление ранее предусмотренного направления подхода не требует трактовать его как создание нового прохода через историческую территорию».

— «Не требует трактовать» — чьё заключение? — спросил Аркадий.

— Не написано, что юридическое.

— Какое-нибудь другое указано?

— Поэтому я и собирался выяснить.

Семён поднял голову.

— Выяснить, как нас по старой дорожке продать?

Рябинин снял очки.

— Вас никто не продаёт, Семён Ильич.

— С землёй вместе.

— Я не распоряжаюсь вашей землёй. И правление не может ею распорядиться по этой бумаге. Но если старый подход существовал, я предпочитаю знать, где он был.

— Там люди ходили.

— Значит, надо отличить пешеходный проход от дороги.

Семён отвернулся к окну. Рябинин подождал, затем продолжил тише:

— Ко мне приходят не только те, кто хочет всё сохранить. Есть люди, которым надоело вкладываться в дом. Есть те, кому нужно продать, но они не понимают ни цены, ни сроков. Я хотел уменьшить неопределённость переговоров. И не стану извиняться за сам интерес к документу.

— За интерес мы вас не спрашиваем, — сказала Вера. — Давайте отделим неприятное от неверного. Сейчас речь о том, чем подтверждается написанное.

— Для этого и принёс.

Аркадий отодвинул титульную страницу.

— Положим рядом изображения.

Он повернул лист Семёна. Масштаб печати немного различался, но тёмное пятно у сгиба сохраняло форму: две неровные доли, соединённые узкой перемычкой. Справа на обоих фрагментах координатная сетка обрывалась посреди клетки. У нижнего края пропадал конец тонкой линии.

Аркадий уже замечал сходство на двух других копиях. Теперь перед ним лежали предложения разным людям, и совпадение можно было показать без объяснений.

— Вот здесь потеряно ровно столько же, — сказал он, указывая карандашом.

— При печати могло обрезать, — заметил Рябинин.

— Покажете вложение?

Тот открыл нужную страницу на телефоне. Аркадий наклонился, не принимая аппарат. Край на экране выглядел так же.

Римма придвинула распечатки.

— Запишите и пятно у сгиба. Именно форму. Ещё вот этот разрыв линии.

Она показала ногтем маленький белый промежуток.

— Бумага так легла при съёмке? — спросила Галина.

— Возможно. Или дефект был уже на промежуточной копии. По этим листам не скажешь.

— Но картинка одна? — спросила Орлова.

Римма задержала взгляд на нижнем крае.

— Воспроизведён один и тот же неполный фрагмент. При независимой съёмке полного листа не потеряли бы в точности одни и те же части.

Аркадий записал её слова. Римма проследила за карандашом.

— Только не приписывайте мне, что я установила изготовителя.

— Не приписываю.

Надежда положила свою папку на стол.

— У меня тоже это место есть. Только приложение полное.

Галина повернулась к ней.

— То, которое вы ночью отправили?

— Да.

— Мне его утром переслали. Я не стала добавлять к уточнению про отъезд.

— Про отъезд вы написали, — сказала Надежда. — А признание осталось висеть так, будто папа его действительно давал.

Она вынула страницу.

Вверху находился знакомый технический фрагмент. Ниже — текст с подписью Павла Левина. Страница напоминала ту, которую Семён получил от Рябинина, но обвинительный абзац был другим.

Аркадий прочёл его дважды.

Вместо признания присвоения материалов здесь говори-

лось, что ответственность за сведения о расходе несла комиссия, а претензии к Левину не подтверждались представленными расчётами. Строки об уходе с работы оставались, однако теперь весь текст приводил к противоположному выводу.

— Дайте, — сказал Семён.

Надежда не сразу убрала руку с бумаги.

— Только не надо опять говорить, что этого не было.

— Я ещё не прочёл.

Она отняла ладонь.

На словах о неподтверждённых претензиях Семён выдохнул и придвинул лист ближе. Аркадий ждал, что сейчас последует громкое «вот». Но Семён вернулся к началу абзаца. Его палец остановился под строкой об ответственности комиссии.

— Откуда это?

— Полная копия.

— Я вижу полную страницу. Откуда текст?

— Из материалов, которые он предлагал мне.

Аркадий посмотрел на Надежду.

— Именно этот файл он вам прислал?

Она отвинтила крышку бутылки, но пить не стала.

— Вам всем показали обрывок. Теперь доступен весь нужный текст.

— В таком виде вы его получили?

— Я не хочу выкладывать здесь весь разговор с ним. Я

уже связалась с Ириной Олеговной.

— Весь разговор не нужен. Но мы не можем подписать страницу подтверждённой полной копией, если её источник ещё не проверен.

— Вы готовы оставить ту, где он виноват, а эту нельзя?

— Ту мы тоже не подтвердили.

— Её уже прочитали.

За дверью спросили председателя. Орлова ответила, что надо подождать. Надежда завинтила крышку слишком туго, с коротким скрипом.

Семён положил лист на стол.

— Павел не должен был отвечать за всё, что ему приписали. Это я говорю. Но такую бумагу я не помню.

— А прежнюю помните?

— Прежнюю справку помню. Не эту картинку. И не такой абзац.

— Удобная память.

Семён покраснел.

— Может, и удобная. Только я не стану говорить, что видел эту страницу, если не видел.

Он отодвинул лист, и бумага осталась между ними.

Аркадию захотелось поддержать его. Вчера Семён отвечал нехотя; сегодня отказался подтвердить то, чему только что обрадовался. Но напротив сидела дочь человека, об увольнении которого он молчал десятилетиями. Сейчас не время было хвалить Семёна за осторожность.

Аркадий взял отдельную полоску бумаги.

— Напишу: «Предоставлено Надеждой Павловной четырнадцатого июля; по её словам, полная копия приложения». Вы отправили его в ночь с двенадцатого на тринадцатое?

— Да. Троим. Не в общий чат.

— Получателей назовёте Беловой?

— Назову.

— Копию нам оставить разрешаете?

— Оставляйте. Только не пишите поверх.

Он положил пояснение рядом с листом. В таком виде две страницы нельзя было принять за одну и ту же, хотя подпись, изображение и большая часть текста совпадали. Аркадий пока не знал, когда возникло различие и кто его внёс.

***

К половине двенадцатого жара добралась до дальней стены. Орлова вышла к владельцам, споривším из-за полива. Галина унесла пустой графин. Семён встал у окна спиной к столу.

Надежда подошла к Аркадию.

— Вы вчера спрашивали, есть ли подтверждение про деньги.

— Спрашивал.

— Покажу. Не на весь стол.

Вера без вопросов пересела к Римме. Аркадий повернул стул так, чтобы экран не был виден из прохода.

В открытом Надеждой сообщении стояла сумма: 180000

рублей. Меркушев обещал передать семье «оставшийся комплект, затрагивающий Павла Андреевича», не сохранять экземпляров и прекратить распространение.

Надежда показала свой вопрос: означает ли это, что других копий не останется?

Ответ был коротким: «После расчёта вопрос закрываем».

— Здесь сказано «оставшийся», — заметил Аркадий. — Он называл его последним?

Она открыла соседнее сообщение.

«Это последний комплект у меня. Потом искать будет не у кого».

Аркадий прочёл и его. Дальше листать не попросил.

— Теперь понимаете? — спросила Надежда.

— Вижу, за что он требовал деньги.

— Не за бумагу. Мне его бумага не нужна была.

— Что входило в комплект?

— Справка, приложение, копии с подписью. Говорил, всё передаст.

— Перечень сохранился?

— Да. Я покажу Ирине Олеговне.

Она погасила экран.

— Не хочу, чтобы завтра обсуждали, откуда у меня такие деньги. И сколько я давала раньше.

— Здесь мы этого обсуждать не будем.

— Но запишете?

— Если позволите. Отдельно, для передачи Беловой. Без

вывода, что расчёт состоялся.

Надежда кивнула.

Он выписал сумму и содержание обещания, затем дал ей прочесть.

— Верно, — сказала она.

Из-за двери донёсся голос Орловой:

— Если шланг лежит на вашей стороне, это ещё не значит, что вода тоже только ваша.

Рябинин невесело усмехнулся. Надежда убрала телефон и вернулась на место.

Аркадий посмотрел на разложенные листы.

Семёну обещали довод, после которого сад перестанут считать случайной посадкой. Рябинину — основание для переговоров, где старое направление можно будет противопоставить новому проекту. Надежде — конец ожиданию следующей обвинительной страницы.

Цены первых двух предложений ему не назвали. Третью он только что записал. Меркушев продавал каждому разное, хотя показывал всем один и тот же оборванный фрагмент.

Когда Орлова вернулась, Рябинин разговаривал по телефону в коридоре.

— Да, исходную… Не снимок экрана. Сейчас могу.

Он вошёл, убирая аппарат.

— Савин сюда приедет. Посмотрит переписку.

— Хорошо, — сказал Аркадий.

— Вам весь разговор я не покажу. Там моя работа, посто-

ронние люди.

— Мы об этом договорились.

Рябинин провёл пальцем по ребру картонки.

— Сохранено всё. Ничего не убирал.

Аркадий кивнул. Просить подтверждения у него самого было бы бессмысленно: проверкой займутся сотрудники.

Галина принесла воду.

— Мне опять пишут про семнадцать двенадцать. Что раз Геннадий после пяти присылал страницу, не надо цепляться к ранним встречам.

— После пяти страницу переслал Эдуард Матвеевич, — сказал Аркадий. — Это уже уточняли.

— От Геннадия полученную, — добавил Рябинин.

— Да. Но время её первоначального получения здесь не установлено.

Галина открыла переписку на своём телефоне.

— Так и отвечать?

— Напишите, что происхождение пересылки проверяется. Не нужно выводить из неё, до какого часа Меркушев был жив.

Рябинин посмотрел на него, но ничего не сказал.

У дороги завели мотокосу. Орлова закрыла окно: иначе пришлось бы повышать голос.

— Вернёмся к листам? У нас двадцать минут.

Аркадий развернул рабочую страницу и прочертил три колонки: «Что обещано», «Что предъявлено», «Откуда по-

лучено».

Под садовым предложением появились сообщение и изображение с пояснением. Под дорожным — два листа и вложение. Под предложением семье — перечень обещанных бумаг и условие прекращения распространения. Отдельно он отметил обвинительную страницу и ночной вариант приложения Надежды: их нельзя было без проверки приписать одному отправителю в одном виде.

В третьей колонке несколько раз повторялось имя Меркушева. Дальше строки пустовали.

— У кого-нибудь есть название хранилища? Номер дела? Сопроводительное письмо того, кто выдал копию?

Рябинин покачал головой.

— Он писал, что всё будет в комплекте, — сказал Семён.

— Вам тоже? — Аркадий повернулся к Надежде.

— После договорённости.

— Римма Георгиевна?

Она сняла очки.

— Я спрашивала об источнике. Прямого ответа не получила.

— Но название «северный лист» он употреблял?

— Да.

Аркадий вписал это название сверху, рядом с общим заголовком. По нему они искали одну недостающую бумагу. Сейчас под ним лежали несколько современных пояснений с разными выводами и один неполный технический фрагмент.

— Получается, нам предлагали не одинаковый комплект, — сказал он.

— Разные части одного, — возразил Семён.

Аркадий придвинул к нему дорожное пояснение, а рядом положил садовое.

— Здесь старое назначение должно помешать разделению территории. Здесь оно же должно облегчить восстановление коридора. Если это разные части одного дела, нам всё равно нужна связь между ними. Пока её заменяет обещание Меркушева.

Семён прочёл оба заголовка.

— Но настоящий лист какой-то был.

— Изображение откуда-то взялось, — сказала Римма.

— Вот. А если остальное осталось в его папке? Или у родных?

Галина открыла тетрадь.

— Я тоже хотела спросить. Пока всё не разошлось, может, выяснить, кто теперь бумагами распоряжается? Если там комплект, можно собрать деньги. Не из взносов. Кто захочет.

Орлова посмотрела на неё.

— Кто его продаёт?

— Пока никто. Я говорю — узнать. Передать в общий архив, чтобы не бегать за каждой страницей.

Семён провёл ладонью по колену.

— Если подлинник есть, я бы дал. Не Геннадию уже.

Аркадий увидел, как Галина успела написать «выкуп», и удержал её за край тетради, не касаясь руки.

— Не надо пока объявлять сбор.

— Я ещё ничего не объявила.

— Мы не знаем ни состава, ни происхождения бумаг. Вещами из домика нельзя распоряжаться мимо сотрудников. А если что-то хранится в другом месте, сначала надо узнать, что именно и на каком основании нам предлагают.

— Так шанс упустим, — сказал Семён.

— Мы сейчас сравнили три обещания. Зачем сразу платить за четвёртое?

Семён опустил глаза на садовую страницу.

— Подлинник нельзя заказывать по нужному выводу, — продолжил Аркадий. — И его подлинность не станет надёжнее оттого, что мы заплатим сообща.

Орлова придвинула к себе заявления.

— Срочного расхода не будет. И сбор поддерживать не стану. За архивные копии платим в установленном порядке, когда понятно, что получаем. Здесь пока непонятно даже кому платить.

Галина зачеркнула слово.

— А людям что говорить? Что ничего нет?

— Что подтверждённого полного листа у рабочей группы нет. И три предъявленных предложения не заменяют ни архивной проверки, ни земельных документов.

— Это длинно.

— Зато не понадобится завтра исправлять половину.

Галина посмотрела на него поверх очков и записала.

Рябинин поднялся.

— Савин приехал.

Через приоткрытую дверь Аркадий видел, как сотрудник предложил ему пройти в маленькую боковую комнату. Рябинин сел за стол, открыл переписку и повернул телефон к Савину.

Аркадий вернулся к своему листу. Исходный разговор теперь можно было проверить; заглядывать через чужое плечо ему не требовалось.

Они с Орловой закончили перечень. Для каждого материала указали, кто предоставил его сегодня и что именно разрешил использовать. Сопровождающие сообщения сохранили вместе с вложениями. Галина предложила обозначить файлы буквами, но не переименовывать сами исходники.

— А этот? — Она показала Надежде строку с её приложением. — В перечне будет номер и дата получения. Название файла оставлю.

— Оставьте как было.

Слово «полная» осталось только в записи утверждения Надежды.

Аркадий отправил Беловой перечень и короткое описание совпадений: линия обрезки, пятно у сгиба, недостающая часть координатной сетки. Отдельно сообщил о приложении, которое Надежда распространяла ночью, и о пока-

занном денежном требовании. Сумму и личные контакты в общую рабочую сводку не включил.

Ответ пришёл, когда Орлова освобождала край стола:

«Перечень получила. Исходную переписку и вложение Рябинин предоставил сотруднику. По остальным материалам связываемся с владельцами. Копии сохраните вместе с сообщениями, без пересохранения».

Аркадий прочёл Орловой ту часть, которая касалась хранения.

— А архивный запрос? — спросила она.

— Отдельный. По нашему майскому ответу. Нужно проверить путь технических дел, а не спрашивать ещё раз только про сад и северный лист.

— Передаточный индекс приложу. Формулировку сегодня подготовим.

Римма подняла глаза, но не вмешалась.

Галина постучала ручкой по краю стола.

— Тогда в чат только порядок? У кого остались предложения — сохранить как получили, не заменять старые новыми. Личные сведения передавать сотрудникам. Архивный поиск продолжается.

— И никаких просьб прислать всё тебе, — сказала Вера.

— Я уже поняла.

В двенадцать Надежда застегнула папку.

— Этот вариант вы тоже вывесите рядом с прежним? — спросила она Галину.

— Пока нет. Его происхождение ещё не проверено. Уточнение о жизни вашего отца уже на месте.

— А обвинение читают первым.

— Пояснение перенесено к началу обсуждения. И тем, кого вы назвали, я отправила. Старую страницу оставили, чтобы было видно, что именно оспаривается.

Надежда помолчала.

— Только не оставляйте это опять на сорок лет.

Она вышла, не дожидаясь ответа.

Семён взял фуражку. Постоял, держа её в руках.

— Свой файл я сохранил. Если ещё понадобится…

— Скажем, — ответил Аркадий.

Семён кивнул всем и пошёл к двери. Ни о вчерашнем разговоре, ни о незаконченной полке они не заговорили.

***

Рябинин закончил с Савиным и ушёл. Сотрудник забрал подготовленный перечень. Орлова принимала людей у окна; Галина понесла графин на кухонную полку. Римма в коридоре искала в сумке футляр для очков.

Вера собрала полоски с пояснениями.

— Чуть не выбросила вместе с обрезками.

— Здесь самое нужное.

Она разложила их по страницам.

Аркадий посмотрел на третью колонку. В ней хватало имён людей, которые пересылали материалы друг другу, но ни одна строка не доходила до проверенного хранителя. Ему

хотелось заполнить пробелы хотя бы предположениями. Он закрыл карандаш колпачком.

— Почти каждый сегодня обрадовался удобной бумаге, — сказала Вера.

— Семён — да.

— Не только он. Я тоже на минуту подумала: хорошо бы там действительно оказалось что-нибудь, после чего можно перестать спорить.

— Про сад?

— Про сад. Надоело каждую неделю объяснять, что можно быть за переговоры и против этой дороги на красивой картинке.

Она выровняла листы, затем раздвинула снова: пояснения оказались закрыты.

— А вы?

Аркадий провёл пальцем по пустой строке.

— Хотел, чтобы Семён принёс документ, который сразу пригодится.

— Для чего?

Он поднял на неё глаза.

— Чтобы сад оставили.

Вера кивнула без улыбки.

Аркадий снова прочёл обещание Меркушева: «Это довод сильнее ваших нынешних возражений». При первом чтении его раздражала самоуверенность фразы. Теперь пришлось признать: именно такой довод он и надеялся получить. О

ссылке на хранение, конечно, спросил бы. Но сначала обрадовался бы, как Семён.

— Хорошо, что положили рядом, — сказал он.

— Да. Поодиночке каждая выглядит убедительнее.

В коридоре щёлкнула застёжка футляра. Римма вернулась за бутылкой.

— Не моя, — сказала она, взявшись за неё. — Надежда принесла.

— Она оставила, — ответила Вера. — Заберите, если нужно.

Римма не пошла к двери. Её взгляд задержался на распечатках.

На столе лежали три разных ответа. Сад следовало защищать. Коридор — восстанавливать. Обвинения против Левина — прекратить. Во всех трёх случаях повторялось раздвоенное пятно, и нижняя линия обрывалась в одном месте.

Аркадий повернул листы к Римме.

— Мы всё спрашивали, у кого остался полный комплект. А кто первым видел это изображение до обрезки?

Римма поставила бутылку подальше от бумаги.

Очки она уже убрала. Теперь достала их снова, но надевать не стала.

Ответа Аркадий не услышал.

Глава 8. Дорожка за смородиной

У поворота стояла тачка, доверху нагруженная мокрой травой. Чтобы разойтись с женщиной, которая толкала её со стороны сада, Аркадию пришлось прижаться к забору.

— Не колется? — спросила она, кивнув на шиповник за его спиной.

— Пока нет.

— Сейчас пройду. Колесо влево ведёт.

Она проехала, оставив на сухой земле прерывистую тёмную полосу. Аркадий посмотрел на часы. Савин просил подойти к девяти, к повороту с северо-западной улицы, который здесь называли смородиновым. На схеме товарищества никакого смородинового поворота не было. Там сходились две тонкие линии без названий.

Савин появился со стороны правления, держа сложенный лист.

— Здесь?

— Если вам сказали «за смородиной», то здесь. Но смородины тут два ряда. Одни называют весь проход, другие — только поворот.

— Вот это и нужно уточнить.

Аркадий вынул тетрадь.

— Я покажу обычные пути. Кто именно по ним шёл двенадцатого, не скажу.

— Об этом отдельно. Сегодня нам нужны подходы и ваши ориентиры. В домик не заходим.

Они свернули к сто восемнадцатому участку. Улица здесь была шире, но машины оставляли у заборов так, что пешеходы переходили с одной стороны на другую. Аркадий обошёл прицеп с мешками.

— Двенадцатого его здесь не помню.

Савин отметил прицеп на листе.

Данилин ждал у калитки. Светлая рубашка была застёгнута доверху, хотя утро уже обещало жару. Рукава он подвернул неровно: один до локтя, другой выше.

— По двору пройти можно, — сказал он. — Вы вчера спрашивали. Шланг я убрал с дорожки.

Савин уточнил, где хозяин разрешает пройти. Данилин показал от калитки до развилки возле основного дома. Оттуда одна выложенная плитами полоса вела к веранде, другая — к гостевому домику. На развилке Аркадий остановился.

Закрытая дверь была видна между сиренью и стойкой навеса. Он помнил её открытой: Меркушев сидел внутри, на столе лежала чёрная папка, и до общей встречи оставалось достаточно времени, чтобы поесть дома. Теперь перед крыльцом не было ни стула, ни обуви. Слева на стене висела щётка для сметания снега — в июльском свете вещь почти ненужная, но от этого особенно домашняя.

— Отсюда начинаем? — спросил Аркадий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.